

The illustration depicts a man and a woman in historical or fantasy attire. The man, in the background, has dark hair and a goatee, wearing a red military-style jacket with gold braiding and a dark fur collar, and a dark grey cloak. The woman, in the foreground, has long, dark, wavy hair and is wearing a white dress with a large white fur collar and a dark brown cloak. The background is a dark, snowy night scene with a street lamp and a building. The overall tone is dramatic and atmospheric.

АННА
ТОМЧЕНКО

НАЙДИТЕ ВЕДЬМУ,
ИЛИ БОН ВОЯЖ
НА МЕТЛЕ

18+

Анна Томченко

**Найдите ведьму, или
Бон вояж на метле**

«Автор»

2023

Томченко А.

Найдите ведьму, или Бон вояж на метле / А. Томченко —
«Автор», 2023

Если ведьма что-то находит, не факт, что ей удаётся это сохранить. Элис поняла эту простую истину, узнав о женитьбе некроманта, поэтому решила на свадьбу не оставаться. Если некромант что-то теряет, то это почти безумие. В этом Грегори убедился, когда оставил за собой разрушенные города, поднятые со дна морского проклятые корабли и банду пиратов. Вот с последними некрасиво, конечно, получилось. А все для чего? Чтобы просто найти свою ведьму. А Любовь? А ей некогда. У неё на повестке дня оружейник, что не признаётся в своих чувствах, старый граф и его долгожданная встреча с погибшей женой, адмирал, что забыл дорогу к законной жизни... Поэтому сегодня Любовь замещает Ее Величество Смерть.

© Томченко А., 2023

© Автор, 2023

Анна Томченко

Найдите ведьму, или Бон вояж на метле

Пролог

«Дорогой папенька, пишу вам с любовью и невыразимым уважением. Ваша дочь по-прежнему находится на службе у «проклятушего некромантшишки» и работает над вторым научным изысканием «Яды без противоядий». В целом, жизнь в поместье Стенли отличается умиротворённостью и покоем. На праздновании Солнцеворота мне довелось побывать в столице. К слову, отвратительное место, вы ведь знаете, как мне докучает эта невероятная суэта.

Господин Грегори после того случая, что не обошёл вас в знании, проявляет большую осторожность и внимательность. Со мной постоянно находятся два соглядатая. И некромант по мере сил старается приглядывать. Хотя всё спокойно... Волки на меня не нападают, мстительные возлюбленные не докучают и модистки сумасшедшие на пути не встречаются.

Забыла рассказать вам... На изломе лета я призвала силу, как истинная ведьма. И она мне откликнулась, так что даоритовые кандалы, если и повредили что-то в тонких материях колдовского поля, то не сильно значимо. Что до моего нанимателя... Он присутствовал при этом эпохальном событии и был мной несказанно доволен. Его устраивает моя квалификация и уровень силы.

Некстати вспомнилось... Вы как-то обмолвились, что ежели я вернусь, то вы отправите обрабатывать меня практику в забытую деревеньку... Так вот, хоть формально я и сбегала от своего работодателя, но по факту сохранила место, всё-таки решила столкнуться с крестьянскими хворьями. За мной числится три деревни на землях Стенли. Я штатная ведьма. Занимаюсь заговорами, лечением, призывом рек и погодными условиями. Это оказалось не так уж и тяжело. Тем более, таких благодарных людей я ещё не встречала. Кстати, маменька не желает соболиную шубку? Сапожки предложить не могу, сапожник повредил ключицу и щеголяет в гипсе. Зато могу отослать пару замечательных валенок! А вам не будет пользительно употреблять с утренней овсяной кашей барсучий жир? Подумайте и отпишитесь, а то у меня литровый горшочек как раз сохранился.

В конце лета мы гостили в Вискрипе. Благочестивая родственница передавала вам пожелание «не скопытиться в расцвете сил и мужской потенции!». Надеюсь, я правильно передала, но вы при встрече уточните...

Засим откланиваюсь, любимый папенька. Целуйте крепко матушку и не ищите для меня выгодной партии».

«Дорогая, во всех смыслах, дочь, бесконечно рад твоим успехам. Сапожки для матери повременят, впрочем, как и шуба с барсучьим жиром. Я не настолько стар, чтобы стимулировать свою мужскую силу, заёмной, так и уясни. Ещё и передай тётушке Клотильде.

Меня невероятно огорчает твоё нежелание заводить семью, но пользуясь близкой дружбой с герцогом кассодийским, спешу заверить, что его сын с нетерпением ждёт, когда ты придешь на помолвку и дальнейшую свадьбу. С любовью твой упрямый и молодой батюшка.

P.S. Немедленно возвращайся и подари наследника нашему роду.

Всё ещё огорчённый твоим пренебрежением, отец.

P.P.S Матушка передумала. Она с благодарностью примет из твоих рук соболиную шубу. Лично».

Элис сжала тонкую бумагу и выбросила в мусорный ящик. Прошло несколько месяцев после её письма домой, и вот, стоя перед телепортационной аркой в столице, она избавилась от послания, которое в Вортише успел ей вручить почтальон. Хорошо, что успел. Никто не знает, даже она сама, когда ей ещё доведётся побывать в том славном городишке, потому что она опять сбегала... От себя, от обиды, от беспомощности... На самом деле: от него.

Глава 1

Ведьма была странной. Миклош исподволь рассматривал эту чудную девицу, что куталась в тонкий плащ с меховой оторочкой. Куталась и всё одно мёрзла. Вон даже нос покраснел. И кудри, что выбились из-под капюшона, покрыл пушистый снег. Погода в Листовцах не баловала. Хотя и всего-то один день на современном поезде до столицы, а поди ж ты... Здесь замедает, выюжит.

– Цель прибытия в Просскую Империю? – он задал штатный вопрос, которым таможенники обязаны встречать гостей. Это только в будние дни столица принимала иностранцев, в выходные же все прибывающие оказывались здесь, в Листовцах, чтобы сутки добираться до Меньсграда. Отчасти, потому что тамошние работяги зажрались и не хотели работать. Но на самом деле, Миклош знал, что это всё делается, чтобы показать чужестранцам просскую железную дорогу. На каретах-то не больно накатаешься в такую метель. И для экономики хорошо.

Девушка воззрилась на него своими зелёными глазами. Хлопнула ими же для порядка. И повертев в руках неброский медальончик, выдавила:

– Я... гостевать... – А вот смущалась она диво до чего мило. Суровый бородатый таможенник не выдержал и улыбнулся. – Гостить? Не... Смотреть, бродить, играть...

Девушка судорожно выдохнула. Потёрла запястья, натягивая манжеты на кисти, и умоляюще вытаращилась.

– Сударыня, вы чего-то намудрили. – Он протянул грубую ладонь и на неё упал медальончик. – Вот, так будет лучше. Пробуйте.

Мужчина поправил артефакт. Такие продавали на каждом телепортационном окне, чтобы прибывающие могли без проблем разговаривать на незнакомом языке. Кто часто путешествует, знает, что шарлатаны обычно не докручивают маховички, и чужестранцы мучаются, пытаясь приспособиться к речи. А надо-то всего лишь сдвинуть пружинку и каплю силы приложить.

– Здравствуйте! – попробовала девушка и улыбнулась. – У меня отпуск, ненадолго. Неделя. Может быть. Театры, выставки, просская баня и веники.

Голос был приятный, мелодичный. Но портило, что она ещё не приновилась к переводчику и продолжала рубить рваными фразами.

– Правила пребывания в столице знаете? – Он вытащил формуляр: виза на въезд.

– Я знать... – снова запуталась в словах иностранка.

– Тогда вы знать... – Вот до чего же безрукие артефакторы. И речь эта старопросская въедлива до печёнок. – То есть знаете, что сейчас вам необходимо заполнить бумаги, после чего вам выдадут два даоритовых браслета... Такие правила, свою магию чаровники подтверждают в столичном отделении таможни, где с них браслеты снимаются, и уже тогда вы сможете получить гостевую визу.

Правила безопасности Миклош читал. И считал, что правильно всё, нечего пришлым магикам гулять без контроля. Он вытащил два увесистых кольца. Девушка как-то опечалилась. Потом робко приблизилась к столу и приподняла рукава.

Таможенник всякого повидал на своей работе. И витиеватые руны, и татуировки с кровью драконов, один раз даже кандалы. Но это... Запястья чаровницы были в шрамах. Как раз, похоже, от таких браслетов. Кожа сохлась и легла неровными складками. Он честно старался не пялиться, но воспитание, вбитое батюшкиным ремнём, сплеховало. Не получалось. Взгляд то и дело возвращался к тонким кистям, выше которых растекался даоритовый узор, что серебрял прожилки затянувшихся ран.

– Всё порядок, – заметив смущение и задержку, успокоила девушка. А Миклош почувствовал, что заливается краской. И не от смущения, а от неправильности. Где это видано, чтобы так издеваться над человеком. Он дёрнулся назад, к картотеке и поочерёдно выдвинул ящики.

– Вот. – Обернулся он, и на стол легли два идеально тонких, изящных браслета. Ему почему-то показалось, что такие могут и не стать напоминаем о бесчинствах, учинённых над чародейской. Она благодарно улыбнулась и защёлкнула замочки.

Он провожал юную, совсем молоденькую иностранку со смесью печали и стыда. Стыдно было за весь род человеческий. И за мужиков особенно. Не знал он, что на такое способны в большей мере женщины.

Глава 2

Демонов переводчик выдавал какую-то несурязицу. Элис сначала подумала, что она настолько безграмотна, что артефакт не может исправить ее косноязычие. Но нет. Он сам был не высшего качества. И обряд со сдвиганием пружинок не помог, как ни старался таможенник.

Она шагала по перрону с чемоданом в одной руке и кофром с метлой в другой. Какого дракона она насовала столько вещей, непонятно. Всё равно тёплой одежды у неё не водилось. И если в Вортише зима была, как затянувшаяся осень, Идаллия показала хорошо утоптанную снежную тропинку к телепортационной арке, то Просская Империя отыгралась, снег был везде. Алисия и не представляла, что так вообще бывает: дороги в снегу, перрон в снегу, фонари и те в снегу. Но она всё равно не жалела, что отправилась именно сюда. Ей хотелось забыться. И пурга с вьюгой этому способствовали.

А забыть... Было что забывать...

Грегори выкрал её с того злосчастливого бала. И она ярилась, психовала, грозилась проклясть или благословить, тут уж как попадёт. А противный некромант встал перед ней на колени. Аккуратно взял её руки в свои и, прижавшись лбом к ним, просил прощения. За всё разом. Оптом, так сказать.

За своё молчание. За слова. За действия. Он извинялся, и Элис с каждым словом понимала, что он ни в чём не виноват. Он не тащил её насильно в постель. Она этого хотела так же, как и он. Он не скрывал, что в городе не всё спокойно, ей было не до этого. Правда, вот со словами он погорячился. Это да.

Но отчего же так мерзко осознавать, что она всё равно злилась. На него. За то, что не стал для неё тем самым принцем на драконе, не спас от сумасшедшей женщины, не вытряхнул из демона душу. Она не понимала. Просто опустилась на пол возле него и разревелась. От обиды, от отчаяния, от этих, мать их, шрамов на запястьях, что навеки остались напоминанием о произошедшем. И он баюкал её в своих руках, обещал, что такое не повторится, что всегда будет рядом. Целовал, украшенные серебряными нитками даоритовых рубцов, руки. Но не признавался. Не говорил, что она ему нужна, что она нечто большее для него, чем одна ночь в охотничьем домике...

Не сказал тогда. И потом тоже. Он словно стирал из памяти всё, что случилось после охоты. Будто так и надо. Элис пришла к выводу, что сама себе сочинила сказку, где могущественные некроманты любят глупых ведьм и... Успокоилась?

Придумала новую сказку, где эти двое просто дружат. Помогают друг другу. Заботятся по мере сил. И стала так жить. Но от этого болеть не перестало. Каждый день она ловила себя на том, что Грегори ей нужен. Просто. Без утайки. Нужен как факт. И это казалось правильным. Но решиться и сказать, глядя в чёрные омуты глаз, что она любит, не смогла.

Так и прошёл месяц, за ним ещё один. Лето сменилось золотой тёплой осенью. Она пахла прелой листвой и ароматным чаем с корицей. Плясала поздно сброшенными листьями дубов, ворковала шёпотом ветра и была упоительна.

Некромант сделался задумчив. Алисия чувствовала его тяжёлые взгляды, когда сидели по вечерам в библиотеке, когда выбирались в город на карете, когда ездили в столицу на защиту её научной работы. Чувствовала и не могла понять.

А осень, утвердившись в своих правах, зарядила первые холодные дожди. После них парило и удушающе тянуло в лес. Элис боялась одна там гулять и однажды уговорила

некроманта составить компанию. Призыв силы, которая должна была измениться, ослабеть после даорита, прошёл странно. Тёплых мох и шуршание листы. Земля, что отзывалась на любое касание. Круг из семи заговорённых свечей. Вода, смешанная с зельем. Яблоко в пурпурно-красной коже, что завитками слетала с плода и ложилась на алтарь природы. Капли крови из перерезанного горла петуха. Камни, что облизывали её, старались ухватить гроздь алых горошин. И собственная рубиновая нить на запястье от кинжала. Сила заворчала, как блудный кот, завертелась в невезучем теле чародейки. И схлынула, открывая новый ручей. Вода которого была сладко-ледяной. Некромант пристально всматривался в зелёные огни глаз. Непонятные для неё слова:

– Вверяешь ли ты мне свою смерть? – Он склонился над Элис невозможно близко. От него тоже пахло кровью и забытым ветивером.

– Вверяю, – как слова старого заклатья шептала она, сама не понимая почему. – Вверяешь ли ты мне свою жизнь?

– Вверяю, – согласился Грегори. Он взял её руку с рассечённым запястьем и накрыл своей. И прошептал: – Да будет так...

После этого девушка долго приходила в себя, а когда пришла... Пытать мага не получалось, он изворотливее гадюки сбегал от вопросов, но, уловив момент между его весьма благодушным и не сильно расслабленным состоянием, она вцепилась в Стенли с проворством клеща.

– Да что ты такая неугомонная, ведьма? – Он поставил кружку с облепиховым чаем на подлокотник и хлопнул книгой. – Я некромант и просто обязан знать, что даже после смерти смогу тебя дозваться.

– То есть, – протянула медленно Элис и вспыхнула, сбросив плед с ног. Соскочила с софы и прошла до секретера. – Ты хочешь сказать, что я и после смерти буду на тебя горбатиться?

– Всегда мечтал занять такого ехидного призрака. – Он осклабил и вытянул ноги. Алисия по инерции перешагнула через них и тут же споткнулась.

– А как же мой вопрос, о твоей жизни? – Она в упор уставилась на чернокнижника. Тот скривился и нехотя объяснил:

– Это суахское заклятие. Я не представлял, что оно сработает в обе стороны. Мне нужно было подстраховаться, на случай если ты не усидишь на месте и... – Тут Грегори помрачнел и не стал договаривать. – Но просчитался, как только ты согласилась, заклятие вступило в силу и тебя потянуло. Хотя слов клятвы ты не должна была знать. Иными словами... Я смогу тебя вытащить с того света, а ты не дашь мне шагнуть на тот...

– Не боишься? – без смеха спросила Гордон, внутри начиная закипать. Такие вещи не решаются просто так. Как минимум стоило уточнить у неё, готова ли она настолько довериться человеку.

– А ты? – Он изогнул бровь. – Как ты не понимаешь... Я гарант твоей жизни, как и ты моей...

– Грегори, – взвыла Алисия, плюхнувшись на софу и закрыв руками лицо. – Ты сумасшедший. Как можно заключать такие сделки, даже не узнав мнение второй стороны? Ведь всё может измениться...

– Ты сейчас прорицаешь или кармаешь? – Он скептически рассматривал Элис, не давая ей впасть в истерику. – Какая разница, что изменится...

– Некромант! – Она указала на Грегори пальцем, призывая замолчать. – Ты даже не представляешь, завтра у меня будет плохое настроение и я уеду, улечу... Да мало ли... или через месяц ты решишь влюбиться, жениться и как ты себе представляешь это? Я что так и буду сидеть при твоей жёнушке?

– Зачем мне жена, если есть ты? – Прозвучало это до того двусмысленно, что Алисия растерялась. – Если тебе так будет спокойнее... Обещаю не жениться, пока ты не выйдешь замуж.

– Грегори! – Элис кинула в собеседника подушкой, тот со смехом увернулся. И она поймала себя на том, что ей стало... Правильно. Как будто не было дракона, разрушенной башни, той нелепой, но очень хорошей ночи... Как будто они вновь те двое, что не обижали друг друга.

И это понравилось Элис. Грегори стал приходить по утрам, вваливаться и требовать, чтобы одна девица шла заниматься с мечами. Или мог заглянуть днём и предложить съездить в столицу, к тётке Кло, которая очень оценила некроманта и, подмигнув, словно её настиг нервный тик, предложила «братъ, пока не сбежал».

Алисия настолько сильно упивалась этими моментами, что прохлопала время, когда поместье Стенли настигла одна чернявая вертихвостка.

Глава 3

Она впорхнула в кабинет приторным ландышевым ароматом, отстукивая тонкими каблукками дорожных сапожек собачий вальс. Ворохом смоляных волос и надрывным голоском. А Грегори он...

Онемел, споткнулся. Забыл, как дышать.

Элис не забыла ничего. Ни то, что незнакомку зовут Бертрана, ни то, что они с её нанимателем были близки, ни то, что она исчезла из его жизни так же внезапно, как и появилась. Гретта усердно, словно вражеский партизан, сливала всю информацию.

С Бертой её «мальчик» познакомился спустя пару лет после того, как овдовел. К слову, экономка сразу невзлюбила девушку, что оказалась шумна, тщеславна и жадна. Последнее женщина подчеркнула особенно ярко, припомнив украшения, платья и прочую чепуху, которую Стенли преподносил на алтарь женского самолюбования.

Они познакомились в столице. Она пела в каком-то ресторане и была свободна, а он мертвецки пьян и оттого любвеобилен. Закрутилось всё быстро, и через пару месяцев девица переехала в поместье, устанавливая свои порядки, шпыняя прислугу и крутя некромантом как детским волчком.

Роман был страстен. Настолько, что стены ходили и плясали мазурку. Они ругались, мирились, расставались, сходились. Грегори упивался этой гаммой чувств, а потом девица исчезла. Испарилась вместе с драгоценностями, и как вспомнила экономка, с набором серебряных ножей.

Некромант её искал. Не понимал, беспокоился. Поднял на уши друга Филипа Дювье, тот землю оковалками жрал, но певички след простыл.

И вот она трепетная, взбудораженная стояла вновь перед магом и просила прощения. Рассказывала, как ей угрожала некая блондинка, имени не запомнила. Ей было страшно и больно бросать его. А Грегори парализовало. Элис не видела некроманта таким никогда, даже в тот ужасный вечер, когда пропала вставная челюсть прабабки Гортензии. А что? Страшнее был только материализовавшийся призрак почившей родственницы, который вопрошал беззубым ртом: «Гидэ зубэ???».

Спустя пару дней некромант начал приходить в себя. Они с Бертой много говорили, даже ругались. Это Элис выдавила из камердинера, который обожал греть уши на хозяйских разборках. А к концу недели Стенли стал покладистой ручного пуделя. Он с идиотским выражением выпученных глаз любовался свой подругой, ходил за ней хвостом, забросил дела и наорал на Алисию. Впрочем, не за что наорал. Она, всего лишь выглянув из-за стеллажей с книгами, уточнила, что библиотека не место для грехопадения и блуда.

Тогда младшая Гордон чуть было не расплакалась. Потом вспомнила, что она злопамятная и ужасная чародейка и подлила в утренний чай голубкам слабительного. Свидание отменилось.

Но не отменяется тот факт, что в Элис проснулась пресловутая гадюка, в простонародье – ревность и стала подтачивать опоры самообладания. Было больно и противно. А ещё она

поражалась, насколько мужчины неприхотливы. Незачем обихаживать одну упрямую ведьму, когда тут ноги за просто так раздвигают.

Гретта злилась. На Элис в первую очередь. Хуже дятла экономка долбила мозг чародейки серебряным долото, чтобы она взяла всё в свои руки. Руки были неприспособлены для такой тяжести, поэтому Алисия кусала губы, психовала и не делала ничего.

А дом заговорил.

С домами такое случалось. Элис слышала об этом. И случалось это именно с пристанищем колдунов и ведьм, когда всё пропитывалось ароматом их колдовства. Когда тонкие серебряные нити прорастали прямо в фундамент, сплетались с корнями старых деревьев, что окружали стены. Когда по весне дома просыпались, хлопая окнами и кашляя каминами, а особенно трубами, что покрывались налётом сажи изнутри. И тогда надо было скорее помочь сбросить это сонное зимнее оцепление. А по осени их надо было любить. Заботиться. Проверять не сыро ли в подвалах, не растрескались ли оконные рамы. А ещё немного, совсем чуть-чуть, дарить что-то живое и умершее одновременно. Жертвенный петух, ягнёнок.

Алисия слышала ещё с приезда, что дом живой. Он скрипел половицами и пел ветром в приоткрытых окнах. Слышала, но не верила.

А тогда он разбудил Элис скрипом дверных петель потайного хода. Из него тянуло сладковатым запахом яблок, что ведьма с экономкой сушили на чердаке. Они раскрадывали старые скатерти с выцветшим рисунком на столах и укладывали фруктовые полукружия. Присыпали какие-то сахаром. А другие- молотой корицей и кардамоном. Это для чая. И чародейка звала ветер. Лёгкий, несмелый. Что облизывал сочные плоды, забирая себе весь этот сок. И аромат пропитал дом. А тот, насытившись, решил рассказать сказку на ночь, для одной, ещё верящей в чудеса, волшебницы.

Алисия ступала осторожно по холодным доскам пола. Останавливалась и сетовала, что забыла про тувельки. И тонкий халат совсем не грел. А особняк отворял двери сам. Он приоткрыл створку под лестницей и вывел Элис в холл. В свете луны было заметно, как пляшут пылинки в воздухе. Они танцевали вальс, и в движениях проступали очертания фигур. Вот изящная девушка в тяжёлом парчовом наряде склоняется в книксене. И молодой мужчина... Грегори. Ещё без печати отчаянья на лице. С мягкой улыбкой, что не играет на губах, а видна в глазах. Он коротко поклоняется и протягивает раскрытую ладонь миловидной блондинке. На ней атласное домашнее платье, которое сменило тот предыдущий дорогой наряд. И в движениях лёгкость. Тонкая хрустальная изящность. И озёра глаз с поволокой речной ряски, что проступает, когда она по-особенному глядит на кавалера. И теперь уже их танец. Они кружат вдоль стен, огибая предметы мебели. И совсем не замечают стороннего наблюдателя. Кружат, и Элис кажется, что она вместе с ними пляшет в молчании ночи.

Покойная супруга некроманта.

Эта мысль отдаётся тягучей тоской. Она начинает поскуливать, биться в сознании чародейки.

Он ее любит. Даже сквозь время. Через смерть.

И Элис бы заревновать, но это пустое. Чуждое. Поэтому есть только странная боль, что закралась, как этот танец, в сердце девушки.

Дом вздыхает шелестом панелей. И делится воспоминаниями.

Библиотека. Запах старых книг и ромашкового чая. И девушка с волосами цвета морозной стужи, что ставит перед молодым мужчиной чашку. Неспешный разговор, который не касается слуха чародейки. Только картинка. Только нежная пастораль прикосновений. И Алисия отворачивается, чтобы не быть свидетелем этих чувств, потому что ощущает себя вором, что нагло шуршит в личном.

И опять холл.

Грегори другой. Постаревший. Нет, не повзрослевший, а именно со следами лет в залёгших чёрных тенях под глазами. В усталом и озлобленном оскале, что в светском обществе надо преподнести как улыбку. На мужчине потрёпанная одежда: рубашка с распахнутым воротом, потёртые штаны. И на руках уже нити заклятий крови. А пальцами он сжимает горлышко коньячной бутылки. Она почти касается пола, свисая вместе с рукой с подлокотника кресла.

Некромант пьёт. Много. Непомерно большими глотками. И словно не чувствует вкуса. Напитка почти не остаётся. И стекло разбивается о деревянные панели. Осколки разлетаются по паркету, оставляя на мягком дереве следы.

Он вдовец.

Грегори поднимается с кресла. И Элис следует за этими воспоминаниями из пыли, чтобы остановиться возле дверей спальни, что закрыта. И понять: теперь её приглашают. Открывают тропинку в прошлое. И чародейка касается латунной ручки, толкая тяжёлое полотно, шагает в полумрак спальни Эмили, чтобы увидеть новую картину, сотканную из тьмы.

Голодная свора облизывает ноги мужчины. Сила течёт полноводной рекой. Аромат кладбищенского жасмина и прелой земли.

Грегори покачиваясь, баюкает в руках свою тьму. Ритуальный клинок и бусины крови на жилистых запястьях. Неслышная молитва смерти. Он просит вернуть её. Или дать шанс уйти с ней. Он почти безумен. Или не почти?

Элис прикрывает глаза, потому что они безумно горят от слёз. Хочется подойти, обнять, разделить горе. Но это всего лишь воспоминания. Алисия шагает босыми ногами по тонкому ворсу ковра. Идёт вдоль стен. Натывается на картины, что прислонены к каминной решётке. Несмело отодвигает одну из них, чтобы встретиться с зелёными глазами.

Покойная супруга некроманта смотрит на художника с нетерпением. Ей не хочется тратить столько времени, чтобы увековечить себя на холсте. В улыбке – насмешка. В волосах цвета белого серебра – лилия. И этот лилейный запах пропитывает пальцы чародейки. Элис несмело возвращает портрет на место и идёт дальше. На полке дагеротипические карточки. На них ещё счастливый Грегори с женой. Морская прогулка. Пикник. А вот тут с королевского бала. И с открытия лечебницы. На последней мужчина ещё улыбается.

А потом некромант совсем стал невменяемым. Элис спускалась с чердака, где почти закончился ремонт и нечаянно подслушала разговор парочки, которая топталась возле дверей спальни:

– Грегори, – с придыханием шептала певичка. – Ты неправ... Эта девушка... Она очень хорошая, эта Алисия, но подумай, в какое положение ты еёставишь?

– В какое? – спросил некромант.

– Это неправильно, что незамужняя девица живёт в одном доме с мужчиной, все говорят, что она твоя любовница...

– Но ведь мы с тобой знаем, что это не так. – Он понизил голос, и до Элис долетел жеманный писк и шуршание юбок.

– Подумай о её репутации, – запыхавшись, выдавила Берта. – Не лучше было бы, чтобы она хотя бы жила в городе, а в поместье приезжала на работу?

– Хорошо, – протянул некромант, звякнув пряжкой ремня. – Я подумаю об этом, когда мы закончим...

– Нет, нет, милый. Я так не могу. Что тогда станут говорить уже о моём репутации?

– Тебя это не беспокоило насколько лет назад.

– Я была глупа. А сейчас... Я не могу. Просто не могу вот так, без всего этого. Без обряда не могу, понимаешь?

– Понимаю... – мурлыкнул Грегори.

Глава 4

Алисия сначала оторопело смотрела в темноту лестницы, а потом зажала рот ладонью, потому что чувство надвигающейся рвоты приблизилось мгновенно. Надо же, как всё просто. Захотела обряд— получила обряд. А Элис, тогда как? Зачем вообще надо было утаскивать её с того проклятого бала? Сидела бы сейчас графиней кассодийской, полировала плешь младшему сыну герцога, вязала ажурные салфетки и, возможно, даже никого бы не покалечила. Ну кроме муженька своего.

Злость прискакала следом, как пресловутая белочка у алкоголика, развеивая рыжим хвостом, то есть чёрным флагом. В попытке не начать крошить поместье вместе с его хозяином прямо сейчас Алисия заперлась во флигеле.

Полчаса спустя она уже готова была выйти на сражение с десятком другим вурдалаков, которыми некромант любил пугать её нежную нервическую душу. К вечеру она охладела к расчленёнке и, собрав в дорожную сумку вещи, стала работать на опережение. Тётка Кло говорила, что ни одна из рода Матеуш никогда не слышала слов отказа от мужчины. Вот и она не услышит. А ещё родственница была любительницей игр на открытом воздухе и первым же преферансом предложила бы Стенли старую добрую прогулку до погоста, ибо после всего, что он сотворил с её маленькой девочкой, туда ему и дорога.

Элис разнервничалась и написала письмо нанимателю с расторжением их рабочих связей. Ну, почти...

«Поцелуй демона в зад, некромант!»

И символический рисунок среднего пальца в интернациональном жесте. И ниже:

«P.S. Засим уведомляю вас, Грегори Стенли, что все отношения с Алисией Гордон расторгнуты в одностороннем порядке. Все договорённости, заключённые на словах, так же теряют силу».

И ещё ниже:

«P.P.S. Чтоб вам скопытиться в один день в неприличной позе от спазма нижних конечностей!»

Она запечатала письмо. Вытащила ещё несколько листов бумаги и уже нормальным тоном попрощалась с жителями поместья. Эльме вложила в конверт амулет от нечаянной беременности, Гретте серебряную вилку, чтобы и про неё не думали, что она не только украшения забрала, но и столовое серебро. Гансу вообще ничего не стала класть, этот, если надо, сам возьмёт. Потом выставила сумку на порог, а метлу за него. Поднялась в кабинет. Парочка влюблённых удалилась в библиотеку, об этом шепнула горничная, и Элис рассудила, что такой шедевр эпистолярного жанра лучше читать перед сном. Она шагнула в спальню Грегори. Он не спал с этой вертихвосткой, ей же брак подавай, но отчего-то гадостное чувство присутствовало в комнате. Алисия принялась и скривилась от аромата ландыша. Подошла к кровати. Наклонилась к подушке и, задев кремовую ткань, опустила конверт в центр.

По руке скользнула ледяная змейка. Элис посчитала это незначительным делом. Так бывает, когда ногу отсидишь, а она потом ещё постреливает полчаса. Собиралась уже развернуться, как запястье дёрнуло болью. Она снова коснулась ткани... И опять...

Воздух разрядился, стал холодным и свежим, как после дождя. На кончике языка выступила кровь. Элис непроизвольно сглотнула, наполнив рот, слюну. В солнечном сплетении неприятно стянуло. Губы резко высохли и их стянуло плёнкой.

Перевернув подушку, Алисия сорвала наволочку. Рюши прощупала. Всё чисто. Но присутствие чужого не отпускало. Оно скапливалось в уголках сознания и бередило её собственную силу. И она, как цепной пёс подобралась, оскалилась, почуяв дичь.

Смелой рукой младшая Гордон вспорола перьевое нутро. Внутри показался клоч соломы. Она брезгливо вытянула его и подавилась возгласом.

В соломе, что спутана была льняной бечёвкой, лежали мелкие косточки с обрывками тканей, свисающих лоскутками. В центре, влажным, пахнувшим тленом, растекалось кроваво-маслянистое пятно. Оно сияло изнутри и шевелилось.

От омерзения Элис снова решила зажать рот руками, но вспомнила, что ими же касалась вот этого вот! Вытянув за краешек из кармана платок, она связала им солому.

По лестнице раздались шаги...

– Эльма, принеси вина в спальню... – Голос Бертраны раздался набатом. Алисия заметалась и поняла, что удалиться через дверь не получится. Она подбежала к окну, которое выходило на еловый бор. Шаги раздались уже от лестницы. Элис распахнула створки и полезла наружу. В голове произнесла призыв для метлы. А черепичный карниз оказался скользким от осенних дождей, с островками гнилой листвы, на которой ноги в сапожках подворачивались. Каменная кладка стены тоже осклизлая, и Алисия прижималась к ней всем телом, боясь, что ухватиться всё равно ни за что не получится.

Летучий веник свистнул мимо, будто обознавшись. Развернулся и поравнялся с Элис. Она схватила древко одной рукой, второй всё ещё зажимала свёрток с соломой. Потом плюнула и засунула в карман. Спикировала в сад и, не выпуская лётного средства, побежала по тропинке к флигелю. На пороге подобрала свою поклажу. Неудобно, конечно, будет лететь на метле с сумкой, но помня заветы тётушки, что лучше быть со своими пожитками вместе дурой, чем без оных, но с гордой мордой лица, плюнула на глупость и, перехватив ляжку покрепче, прыгнула на метёлку. Грегори появился на пороге дома, как раз, когда Элис заложила опасный вираж возле черепичного конька. Он что-то кричал про разумность и глупость, вспыльчивость, но Алисия была так зла, а может, напугана, что не поверила ему. Просто взмахнула рукой, и ветер поднял с тропинок всю листву, что успела скрыть хрупкую ее фигуру в ворохе разноцветного листопада.

Глава 5

– Лазорь! – Голос вороньим карканьем рассёк воздух предгорий. По осени темнеть стало раньше и последние вёрсты пути Элис пролетела, не разбирая облаков, веток и неудачно пикировавших птиц. От холодного ветра в горле саднило. Но что какая-то там простуда, когда комок из соломы шуршал в кармане.

Прошло не меньше часа, прежде чем дракон появился на поляне. Сытый и довольный. А Элис окоченевшая, знаемо дело в одном платье и тонком плаще гулять в начале зимы, и от этого рассерженная. Она вывалила на землю копошащийся свёрток и приблизилась к огню. Руки сводило от холода, ноги вообще не ощущались. А лазоревый ящер икнул и выдохнул огненную отрыжку в небо.

– Где ты это взял-л-ла? – прошелестел крылатый змей, зависая головой над находкой.

– В подушке Грегори, – клацая зубами, как оглодавший упырь, призналась Алисия. – Что это?

Лазорь замер с неестественно растопыренными гребнями. Молчал. Тянул время или подбирая слова? Непонятно. Но если сейчас Алисия не глотнёт горячего чего-нибудь, то воспаление лёгких станет для неё самой насущной проблемой.

– Ч-что т-т-тебе известно о магии крови, человеческая ведьма? – Ящер извернулся и подсёк хвостом ноги Элис. Она с руганью завалилась на спину, но потом, поняв, что так её окружают драконьим тёплом, смирилась.

– Только то, что мне она недоступна, – нехотя припомнила Гордон. – Так что это?

– Приворотная путанка, – он перестал растягивать слова, как будто приноровился к человеческой речи. – Создаётся ведьмами, что владеют магией крови. Не распознаётся магами. Для неё необходимо что-то с тела человека, которому её предназначают: волос, кровь, слюна...

– Что она делает помимо приворота?

Полученные знания не радовали. Пугали больше перспективы. Если некромант всё это время был под приворотом, что запрещено магическим кодексом, то как снимать его, Элис не знала. Она не была уверена, что это возможно. Магия крови коварна... Она произрастает корнями в самую душу, выворачивая и изменяя. Ломает психику. С ней справляются истинно предназначенные, экзорцисты, демонологи, целители и некроманты.

– Лишает воли, – соизволил ответить Лазорь, вспарывая пространственный карман и вытаскивая бутылку с вином и медицинский кофр. – Она путает воспоминания, перекраивает действительность. Заставляет почти болезненно переносить разлуку с заклинателем. И постепенно сводит с ума...

О последнем Элис не сильно переживала, ибо подозревала, что у некроманта и так винтиков недобор. А как ещё охарактеризовать его настоящее увлечение певичкой несколько лет назад? Ей не виделась на месте госпожи Стенли подобная особа. И если это и шептала ревность, то для конструктива Алисия уточнила сама себе, что более возвышенная, образованная и порядочная могла бы составить хорошую партию магу.

– Ты можешь это обратить? – Надежда несмело выглянула из-за угла сомнений и страха.
– Нет, человеческая ведьма... Это сделаешь ты...

Пентаграмма на пять лучей. Капли крови на ладони. Они масляными пятнами впитывались в выжженную землю. Касание силы. Всегда покорной и нежной. А сейчас с проблесками животной ярости, что тянула Элис в бездну. Она не таилась. Она брала своё. Кровь, жертву и кусочек души. Что там душа, её не жаль, она зарастёт, оденется в хлопковые нити из нежности, доверия и самопожертвования.

И соломенная путанка в центре ритуального рисунка. Она вертелась как клубок дождевых червей, перекручивалась кольцами хвостов полоза. Омерзительная. Холодная, неживая. Как тлен, что питал магию любого одарённого. Он стелился туманными тропами, рассыпался на искры первородного страха. Переплетался с такой живой, как родниковая вода в жаркий зной, как пламя старого очага с углями, силой Элис.

И она терялась в водовороте. Не отделяла себя. И задыхалась клубами вязкого дыма, кашляла пеплом из полыхнувшей пентаграммы. На языке горечь полыни, что по осени осыпала свой цвет. И её вкус не глушило терпкое вино. А живая драконья сила не грела. И Алисия мёрзла изнутри. Хрустящий озёрный лёд, полынья среди скованного стужей водоёма, снег... На его белом полотне гроздьями раздавленной брусники алела кровь. Она стекала по лицу Элис, липкими дорожками рисовала на шее. Она смывала ведовское заклятие. И Алисия смеялась...

Она очнулась в коконе драконьего хвоста. В отдалении, также внутри рунического рисунка, валялась солома, но уже просто сухой. Без магии. Без тьмы и тлена.

– Не получилось? – хрипло и надсадно. А во рту привкус железа.

– Получилось, – протянул ящер и подтолкнул к Элис откупоренную бутылку вина. – Только... Твоя сила... Она соединилась с магией крови. Никогда раньше не видел подобного.

Алисия нахмурилась. Осознавать себя «тёмной» было непривычно. Да какая из неё волшебница магии крови? Она петуха заморила своими причитаниями, а не клинком пустила ему кровь. Но всё же...

– Ему будет плохо, – зачем-то уточнил Лазорь. – Через пару дней совсем невозможно, тебе бы его зельями отпоить...

– Я уезжаю, – ещё сама не осознав, что сказала, призналась младшая Гордон. – Я не нужна тут... Поэтому ты сам ему всё расскажи...

От мысли, что она всё почти бросила, потянуло в груди. Но Элис не видела причин, чтобы остаться. А быть приживалкой, смотреть на то, как он флиртует, влюбляется и трахается с кем попало, было больно.

– Алиса, – горловой рокот, – это приворот...

– Ты знаешь, – она села, натянула подол на вновь замерзающие ноги. – Я уезжаю не потому, что ревную... Или действительно могла бы подумать, что он влюблён в кого-то... Нет. Я уезжаю, потому что он не влюблён в меня. Всё это время, что я оставалась с ним, я просто не знала, что не нужна ему. Ведь он вообще ничего мне не сказал...

Глава 6

Девушка выделялась. Митенька заметил это, когда она несмело шагала по перрону. Опасалась поскользнуться, поэтому мелко переставляла ножки в тонких, явно осенних, сапожках. Или вот прятала озябшие руки под полы плаща, тоже не сильно тёплого, только белая меховая оторочка на коричневой коже намекала на его сезонность. Но в Пруссии холоднее, суровее. Вот она и мёрзла, дышала на раскрытые ладони, потирала их и снова прятала под одеждой. Кудрявые длинные волосы рассыпались по плечам и покрылись снежной вуалью. Девушка откидывала капюшон, потряхивала кудрями, сбивая снег и снова возвращала на место головной убор.

Дмитрий пытался разгадать откуда она. Одетая не по моде. Такие шерстяные платья без пышных юбок были из Иртана или Аустелии. Едва уловимый, почти выцветший загар склонял к первому варианту.

Хорошая осанка, поворот головы... Она получила достойное образование. Кофр... А с чем он интересно? Так вот... Он был из натуральной кожи, латунь на ручках. Дорожный несесер с выбивной вышивкой по краю. Это стоило немалых денег, но почему плохо одета? Что ей мешало купить тёплой одежды? Та же укорочённая шубка, муфта... Но нет... Она путешествует налегке. Или не путешествует? Бежит?

Девушка не замечала обращённого на неё взгляда. Казалось, ей не до чего нет дела. Украдкой поднимала лицо к небу и ловила слегка высунутым язычком снежинки. Однозначно не замечала никого... Даже тучную даму... Та толкнула её, словно специально стараясь притереть к железной обшивке подошедшего поезда.

– Осторожнее, сударыня...

Митенька успел подхватить её под руку. Она непонимающе оглянулась, но его уже не было позади. Он обогнул девушку и в шутовском поклоне приложил ладонь к груди. Смущение и запоздалая благодарность в лёгком книксене. А поднималась она в вагон первого класса. Значит, соседи. Отчего-то это мысль взбудоражила. Не так часто встретишь людей, которые ничего не чувствуют. А Митя не хуже любой борзой распознавал, какие демоны гнездились в душах людей. Дар или проклятье, он не определился. Но дарёному умению, тем более семейному, от троюродного деда доставшегося, в зубы не глядят.

Из окна купе можно было увидеть, как перрон опустел. Вот проводник осмотрелся. Поднялся на ступеньку и подал сигнал отправления. Дмитрий дождался первого гудка и прикрыв окно, присел, скинул ментик на сиденье, расстегнул доломан. Под натальной рубашкой нащупал императорский крест, подошёл к дверце купе и запер ее.

Тяжёлые сапоги из чёрной кожи натерли ноги. Почему-то это обстоятельство невыразимо печалило Митю. Вся форма пришлась впору, а сапоги... Того и гляди, вылезет на пятке мозоль, и совсем ходить невозможно станет. Какой тут бегать по императорским поручениям, хромать будет.

Мысли о службе успокоили. А потом взбудоражили. Он почти добрался до столицы, всего ничего осталось, только вернёт царственную регалию и на воды. И спать. Много спать. Третьи сутки без сна давали о себе знать, и если на морозе он держался, то в тепле поезда смазывать стало безбожно. А нельзя. Ещё не время. Он печёнками чуял, что по его следу идут, подбираются, и если он хоть на мгновение зазеваётся, то и голова с плеч, и императорская печать в воду.

Мужчина прошёлся от сиденья к сиденью. Вытащил из-под обшлага склянку со снадобьем. Выдохнул и ополовинил. Зрение вспыхнуло нестерпимой яркостью, запахи обострились. Вот коридорный несёт чай с ромашкой, за стенкой мальчонка ломает свежий крендель, при-

сыпанный сахаром, тот липнет к рукам и сыплется на рубашку. В голове резким толчком разлилась ясность. Слух усилился настолько, что слышались молитвы из первого купе, которые читает пожилая дама. Звон серебряных ложечек о края стеклянных бокалов в подстаканниках и гул, скрежет рельс под колёсами поезда.

Лиховской выдохнул сквозь плотно сжатые зубы. Получился то ли рык, то ли стон. Зато вязкая, маслянистая дымка сна рассеялась. Он вытащил из портупеи два револьвера. Более тонких и изящных, не чета просским, которыми можно было бить просто рукоятью, голову проламывали только так. Эти же, лёгкие, были зарубежного производства. Они ещё и в Иртане не всем доступны, а поди ж ты, он раздобыл. Раздобыл, и зажав один в руке, а второй, пристроив на коленях, сел на пол, спиной к дверце. Так он поймёт, если кто-то без приглашения заглянет и окно видно.

С этими мыслями Митенька стал забываться. Зелье быстро теряло силу, чем чаще пьёшь, тем меньше помогает, но он упорно вглядывался в пролетающий пейзаж по ту сторону поезда. Снег пышный, лениво и сонно оседал на голых ветках берёз, кружевом облеплял зелёные сосны и убаюкивал...

– Сударь... – Стук раздался внутри головы разрывающей болью. Дмитрий дёрнулся, почти нажав на курок револьвера, но одумался. В дверь купе стучали. Настырно. Он провёл по груди ладонью, нащупывая крест под рубашкой. Успокоился. – Извольте отобедать... Вагон-ресторан скоро закроется...

– Да! – рывкнул Митя, поднимаясь с пола. Шея вот затекла. И левая рука. Но отобедать стоило. Или кликнуть, чтобы сюда принесли.

Накинув доломан, Дмитрий выглянул в коридор. За окнами до сих пор шёл снег. Лиховской прикрыл дверь и обернулся. В метрах пяти от него стояла та девушка с перрона. Стояла, замороженная снегопадом, облокотившись спиной о стену, и смотрела. Волосы распущенные стекали по плечам, как шерстяная шаль, изредка в них мерцали нити тонких лент. Платье обтянуло, почти срамно, тонкую фигурку. Но ей было всё равно...

Потом, словно проснувшись, она выпрямилась и направилась к ресторану. Если раньше Дмитрий и думал над тем, чтобы вернуться в своё купе, то сейчас, как по путеводной нити, пошёл следом. Не нравились ему люди, а особенно дамы, в головы которых он не мог залезть. А тут как будто чистый лист... Уж не от него ли такая защита стоит? Не эта ли блаженная приглядывает за императорскими регалиями?

Девушка расположилась за дальним столиком, спиной к стене. Мужчина прикрыл за собой дверь на замок, но чужестранка даже не обратила на это внимание. Она рассматривала меню, проводила пальчиком по строкам и хмурилась.

Митенька был хорош собой. И знал, что дамам достаточно одного его взгляда из-под лукаво приподнятой брови, чтобы заинтересоваться. Но одна конкретная сударыня не то что игнорировала, она его даже не услышала, когда он вальяжно подошёл, крутанул усы и с придыханием спросил:

– Позвольте составить вам компанию?

Всё-таки спустя томительное мгновение она подняла свои глаза на него. И там не оказалось привычного огонька интереса. Нет. Там полыхнул страх...

Элис понравились поезда. Она догадывалась, что места не купе, другие и менее комфортные, но всё же. Стук колёс мерно укачивал. Снег... Она никогда не видела такого снега. Оказывается, зима тоже бывает красивой, хоть и морозно-мёртвой. И всё это белое кружево вокруг убаюкивало. Даже вспыхнувшая обида на злобную тётку, что пихнула ее, чуть ли не в сам поезд вдавила. Ну и офицер, что подхватил ее под локоть, тоже сгладил впечатление о суровой Просской империи. Он так лихо растворился в толпе, что Алисия не успела поблагодарить черноволосого, наверно гусара, судя по форме и выправке. А он словно в насмешку

ещё и поклонился возле самых дверей, шутовски подмигнув иссиня – голубым глазом. Она усмехнулась и ответно склонила голову. Однозначно путешествие было лучшим решением, чтобы забыться.

А в её купе было тепло. Так, что холод нескольких часов стал отступать. Алисия скинула плащ и по привычке хотела просушить волосы. Браслеты звякнули, сковывая силу. Честно, это имперская блажь, всех приезжих заковывать в даорит. А главное, где они столько этого редкого металла набрали? Она покачала головой, разулась и с ногами залезла на сиденье, подложила под спину диванную подушку, накинула плед поверх шерстяного платья. По приезде срочно нужно озаботиться гардеробом, холодно неимоверно.

А потом был чай с баранками. Демонов переводчик норовил обозвать их «баранами», поэтому Элис не сразу поняла, что предлагал коридорный. А после аперитива девушка так разомлела, что пропустила обед. Проснувшись, решила всё же прогуляться до вагона-ресторана. В коридоре замерла от открывшейся картины: ветви деревьев спутались снежным кружевом, изморозь рисовала одной ей понятные картины, но от этого они не перестали быть невероятными. В Кассоди никогда не было такой красоты. Слякоть, редкие снегопады вперемежку с дождём. А тут... Нянюшка рассказывала, что сам дух зимы приходит по ночам, чтобы разукрасить снежными узорами окна. В них выюга, метелица и бег морозных коней. Вот они настоящие, а не рисованная краской подделка в родительском доме.

В ресторане она выбрала самый дальний столик. Взяв карточку с перечнем блюд, Элис запоздало опомнилась, что амулет оставила в купе. Решила, что выбор будет обусловлен самым коротким названием, и когда к столику приблизился мужчина, она не сразу поняла, что от неё хотят. Хмуро оглядев ещё раз меню, она подняла глаза и увидела того самого офицера с перрона. Он стоял, залихватски подкручивая аккуратные усы, и улыбался. А Элис от этой улыбки онемела. Словно мокрым пером между лопаток провели. А в затылок дышала стрела.

Привкус крови на губах. На руках её липкость и она везде: растекается алым пятном по белой скатерти, перекидывается на платье. На столе, в осколках посуды, с простреленной головой, лежит гусар...

Глава 7

Тело, всегда неуклюжее, проявило чудеса акробатики. Алисия выскочила из-за стола и одним точным прыжком снесла ещё живого офицера с ног. Показалось, что он только этого и ждал, потому что схватил, резко дёрнув на себя, и они свалились на пол. Причём, как истинный джентльмен, мужчина позволил даме рухнуть первой и уже сам сверху, как на мягкую подушку, повалился на Элис. При этом он очень красноречиво и замысловато высказался. Она ничего не разобрала и переспросила:

– Что? – Его локоть неудобно упирался в солнечное сплетение и с каждой секундой давил как будто сильнее. Мужчина оторопело уставился на неё и на чистом иртанийском повторил:

– Если наше знакомство проходит столь бурно, то в последующем вы рискуете оказаться замужней. – Он ласково подмигнул. А пружина страха, что сжималась внутри Элис, завибрировала, и она, вцепившись в камзол, или как это в Пруссии называется, рывкнула:

– В вас стреляют!!!

Как по заказу осветительная колба с магосветлячком лопнула, и на них посыпались осколки. Незнакомец выругался и перекатился под стол, дёрнув Алисию за собой. Сидеть, упираясь коленками в зубы, было неудобно, но грохот раскрытых дверей не сулил ничего хорошего. Младшая Гордон мысленно застонала, будь при ней магия, всё складывалось куда бы удачнее. А молодой человек, будто каждый день уворачивался от стрел, флегматично вытащил револьверы. Такие девушка видела в оружейной Грегори, правда, тогда он говорил, что их производство только началось. А тут уже в ходу.

– Сидите тихо, – приказал проссиец, и Элис понятливо кивнула. Он выскочил из укрытия, и шум заполнил ресторан. Алисия вдавливалась спиной в ножку стола, но, видимо, не

настолько сильно, чтобы остаться незамеченной. Треск раздался над головой, и вот она уже на всеобщем обозрении. Офицер закончил отстреливаться и пошёл врукопашную. Один из нападавших валялся на полу, а под ним растекалась кровавая клякса. Второй усердно орудовал коротким ножом и загонял усатого незнакомца в угол. А вот третий вознамерился схватить Элис за шкуру, как котёнка. Грегори всегда повторял, что наилучший выход из драки для противника это вынос его ногами вперёд. Алисия посмотрела на амбала и поняла, что как-нибудь справится со своими уязвлёнными ожиданиями от спарринга, и поползла под соседний стол. Мужик взревел и ринулся следом, переворачивая всё на своём пути. До дверей оставалось всего ничего, когда наследница рода Гордон почувствовала, что её схватили за лодыжку и тянут наружу. Она извернулась и пнула нахала в колено. Тот мягко сказать, был возмущён и собирался навалиться, зажать, подмять под себя.

Элис отчётливо ощутила привкус крови на губах. Сила, закованная взвыла внутри, как голодная волчья стая. А перед глазами встал демон медноволосый, что так изящно резал её в той проклятой башне. Никто. Не посмеет. Больше. Её. Убить.

Она вскочила на ноги и не понимая, что творит, бросилась на преследователя. Вцепилась ногтями в лицо, он больно толкнул рукой, отчего Элис ударилась копчиком о стол. Развернулась, подхватила тарелку и запустила в мужика. Попала! Хоть вреда особо это не принесло. Он продолжил наступать. Тогда она зацепилась взглядом за столовое серебро, выбрала один из приборов и прыгнула на мужчину. Для надёжности обхватила ногами и завизжала в самое ухо. Дезориентированный и шокированный убийца попытался её скинуть, и тут вилка, стиснутая в побелевших пальцах, влетела в шею.

Алисия отпрыгнула. Нет. Её отбросили. Бросок был поганый, потому что она влетела в тот же столик и, неудачно оступившись, осела на пол, стукнувшись головой о подстолье. Мысли завихрились и смешались. Она мотнула головой и увидела в шагах десяти от себя револьвер. Ползком, со всё ещё мутным сознанием, она прокралась к оружию, сжала его потными ладонями и навела на преследователя. Тот справился с кровотечением и наступал. Элис не проверила патроны, но нажала на курок. Звон в ушах отрезвил, жаль, что не придал меткости. Мужик уклонился и, зажимая рану на шее, ещё интенсивнее продолжил поступательные движения.

– Целься, дура! – иртанийская речь прорезала затишье. Элис воровато обернулась. Гусара прижимали к стене, точнее, душили на оной. Он старался вывернуться, но не касаясь пола сапогами это тяжело.

– Попалась дрянь, – безбожно коверкая её родной язык, убийца шагнул вперёд и настиг Алисию. Выбил револьвер из ладоней и обхватив двумя руками её шею, стал сдавливать.

Грегори говорил, что бывают моменты, которые непристойны в благородном поединке, но уместны в уличной драке. Ни в одном из сражений младшая Гордон до сих пор не участвовала, поэтому поступила чисто с женской фантазией. Она лягнула душителя в пах. Тот ойкнул и ослабил тиски. Она отпихнула его, попыталась выбраться. Но мужик не растерялся и вцепился в волосы, того и гляди, желая снять скальп. Передумал и, подняв голову повыше, решил просто ударить лицом об пол. Элис вовремя сгруппировалась и влетела лбом в свой локоть. Было демонски больно, слёзы выступили на глазах. Убийца начал второй заход, но крик в вагоне отвлёк его:

– Что ублюдок, с девкой-то справиться проще? – прохрипел офицер, болтаясь в руках второго душегуба. Этого бывшей ассистентке некроманта хватило, чтобы дотянуться до револьвера. Она с опережением сама дёрнула головой вниз. Волосы противно затрещали, но хватка ослабла. Почуввав свободу, Элис перевернулась на спину и упёрлась стволом оружия в грудь мужчины.

Секунда. Вздох. Мгновение...

Непонимание в глазах, злость, мольба.

На её собственных ресницах проступили слёзы.

Вздых.

Чиркнул курок. Ещё раз. Ещё...

Мужчина вздрогнул всем телом. На рубашке расплзлось кровавое пятно. Он качнулся назад. Вперёд. И завалился на Элис.

Три удара сердца. И платье мокрое. Прилипают к телу. Мерзко.

Алисия отпихнула умершего. Опёрлась о стол. Тяжело встала и раздался грохот. Нет, не как от револьвера. Как от разбитого о чью-то голову стула. Она резко развернулась и на вытянутых руках выставила вперёд перед собой оружие. Гусар поспешно вздёнул вверх свои руки и проговорил:

– Это я... – тихим усталым голосом подтвердил он. Мягкой походкой, стараясь не наступать на осколки, приблизился. Положил грубую ладонь на её руки, и Алисия запоздало разжала пальцы. Револьвер с грохотом шлёпнулся об пол. Мужчина старался заглянуть в глаза, но Элис лишь обвела взглядом помещение, снова посмотрела на убитого и с чувством произнесла на иртанийском:

– Твою мать!!! Опять влипла! – и в лучших бабских традициях закатила глаза и отбыла в обморок.

Глава 8

– Только не говорите, что там опять куча мужиков с револьверами... – устало выдохнула Элис, наблюдая, как в дверь купе зашёл офицер. Пришла в себя она не быстро. На улице начали сгущаться сумерки, а поезд стоял. Она печально поняла, что ночевать в столице придётся в какой-нибудь гостинице с клопами, а не в цивильном месте. Платье в районе груди и талии липло к коже. Засохшие пятна крови начали неприятно царапать, и она как сидела, закинув ногу на ногу и подперев подбородок рукой, так и не поменяла положения. Мужчина окинул её странным взглядом, словно не понял шутки. Хотя с чувством юмора у Алисия были такие же проблемы, как и с законом. Вечно вляпывалась.

– Ваша речь... – начал брюнет с соболиными бровями...

– Нет, это ваша речь, – намекнула на артефакт переводчик Алисия.

– Тогда не могли бы вы его снять?

Элис пожалала плечами и стянула с шеи демонский агрегат. Аж дышать стало легче. Мужчина благосклонно улыбнулся и, всё ещё стоя, представился:

– Князь Дмитрий Лиховской. – Он слегка наклонил голову и положил ладонь на грудь. Элис почему-то захотелось встать и присесть в книксене. Посчитав, что отказ в мелочах вредит самообладанию ведьмы, она так и поступила.

– Алисия Гордон...

Гусар улыбнулся и ещё раз оглядел собеседницу. Во взгляде не было предубеждений и неприязни. Так рассматривают хороших знакомых.

– Алиса, – переименовав её имя на просский манер, начал Дмитрий, – позволите?

Он указал глазами на противоположное от неё сиденье. Два дивана разделялись возле окна маленьким чайным столиком. Она согласно кивнула.

– Почему мы стоим? – не утерпев, опередила младшая Гордон.

– Пришлось останавливаться в небольшом городке, чтобы сдать трупы местным властям для доставки в столицу. Ещё вопрос был.

Он говорил, приятно растягивая слова. Не нудно, а как-то мягко. Слышалась в его акценте давно наработанная орфография. Значит, часто приходится общаться на иртанийском. Ну, оно и верно, князь всё-таки. Почему эта мысль ехидно кольнула с подтекстом, что, дескать, князьков Элис бесить ещё не доводилось.

– Мы не успеем в столицу до вечера?

– Нет, к сожалению. – Он печально качнул головой и заметил, как Алисия тоже пригонижилась. – Что-то не так? Вы опечалены...

– Я не знаю столицы, не хотелось бы ночевать на захудалом постоялом дворе, а приличных мест ночью не найдёшь...

– Ох, не беспокойтесь. – Лиховской провёл по тёмным волосам, запрокидывая непослушные смоляные пряди назад. – Остановитесь в «Короне», я как раз сопровождаю...

– Но... – Элис очень не понравилось это уточнение про сопровождение.

– Не переживайте, все расходы я беру на себя...

А вот это прямо сильно смущало. В добрых людей Элис, конечно, верила, но ведьмовской опыт чаще настаивал на людях коварных. Чтобы побольше выведать, какая участь её ждёт, она прямо спросила:

– Почему я не участвовала в допросе?

– Участвуете. Сейчас.

По спине промаршировало стадо мурашек. Они ровным строем гульнули по позвоночнику, чтобы дезертировать в штаны. А уж там начали терзать то самое место, исключительно у ведьм предназначенное для неприятностей.

– Вы когда-нибудь убивали, до сегодняшнего дня? – вдруг спросил мужчина, и Элис поёжилась от этого резко серьёзного и холодного взгляда. От синевы озёр не осталось и следа, а вот морозная стужа, серебристая, как клинок, поселилась в глазах князя.

– Изгнанный демон и жертвенный петух считается? – лягнула, не подумав, Алисия, запоздало понимая кто ещё таким неотрывным и ледяным взором пронизывает людей. А уж не обрат по службе господин Лиховской, другу некроманта, Филиппу Дювье?

– Нет. Не считается. – Потеплел собеседник.

– А к чему был вопрос?

– Вы хорошо справились для первого раза. – Он облизнул губы и подмигнул.

– Позвольте, не считать это комплиментом. – Элис вздрогнула всем телом, вспоминая те глаза, что стали медленно угасать, когда револьвер выстрелил. Её вторично передёрнуло от осознания, что человеческая жизнь перестала иметь какую-то ценность, когда речь пошла о собственной. И это пугало.

– Как скажете, сударыня. – Дмитрий откинулся на спинку дивана и сцепил пальцы в замок. – Цель прибытия в Просскую Империю?

– Экскурсии, прогулки, театры. – Пожала плечами Алисия. – Баня и веники.

– Почему именно к нам?

– Это был ближайший телепорт из столицы Иртана.

– Почему вы уехали из своей страны? – Вопрос с подвохом, и Элис замялась, но решила говорить, если не всю правду, то часть её, точно.

– А вас никогда не пытались женить? – Мужчина смутился, а по глазам стало понятно, что не только пытались, но и до сих пор не оставляют попыток. – Я работала ассистентом некроманта. И пока я была занята, отец не давил, но, вернись я домой, через луну стала бы женой сопливого аристократа.

– Почему вы прекратили работу? – Зачем настолько личная информация нужна князю, Элис не понимала. Но и отшутиться, что надоело мертвецов таскать по подвалу и бегать от чокнутых привидений, не выходило.

– Личное недопонимание, – витиевато выкрутилась Алисия, перебирая пальцами манжету рукава, что тоже была в пятнах крови...

– Какого рода?

– Мужского и женского, – огрызнулась Элис, начиная злиться. Видимо, что-то отразилось у неё на лице, потому что мужчина прекратил копаться в её прошлом.

– Как вы поняли, что будут стрелять?

Вопрос был неудобный. Элис и сама не знала, как это поняла. Не будешь же объяснять, что просто померещилось всякое.

– Я ... – Она задумчиво прикусила губу. – Я не знаю... Почувствовала. Это как ночью идёшь с полной чашкой чая и точно знаешь, что спотыкнёшься о ковёр... Простите, князь... Я сама, если честно, не понимаю...

Господин Лиховской принял это. И не настаивал. Продолжил расспрашивать о незначительных вещах: какая погода была в Идаллии, сколько на ней охранных амулетов, а сколько боевых, возраст, специализация... Он вертел слова, скручивал предложения, и Алисия догадывалась, что в этой неторопливой беседе и проходит допрос. Он формулировал всегда по-разному вопросы, и, казалось, будто уже она отвечала, но потом выяснялось, что нет. Например, сначала он спросил много ли снега в столице, потом – плащ покупала или он был при ней. А ещё про начало нападения: выдела ли она этих мужчин ранее или была ли приоткрыта вторая дверь в вагоне ресторане. Но потом он спросил то, что заставило Элис сглотнуть.

– Чего вы испугались, когда я подошёл к вам?

Алисия не знала, что ответить. Проще было бы соврать, что не ожидала встретить кого-нибудь в ресторане, но она медленно, спрятав глаза, судорожно выдохнула:

– Вы были мертвы...

Глава 9

Митенька откашлялся. Провёл рукой по щетинистому подбородку и снова пристально посмотрел на чародейку. Склонил голову набок, размышляя о том, а не попалась ли ему прорицательница. Судя по тому как сама девушка реагировала, сеанс предсказания у неё случился впервые. И это... Это... О чём это говорит?

Голова у Дмитрия раскалывалась. Третье ребро слева ныло, а на правой стороне наличествовала хорошая добротная рана от ножа. перевязка облегчила дело, но сильно не помогла. Ещё и спать хотелось невероятно. Он потёр глаза и вернулся к допросу, который, к слову, ничего не давал. Алиса, разгадав систему вопросов, отвечала заученно. Но из-под маски проскальзывало что-то такое... На теме о семье она была спокойна, про отъезд говорила уверенно, даже про замужество девушка не дёрнула и бровью. А разговаривать о своём прежнем месте работы не хотела, закрывалась ещё сильнее, хотя сильнее, чем полная нечувствительность к эмпатии невозможно было представить, но ведьма справлялась.

Она в принципе была загадочной. Сидела, зажав между коленей ладони. Волосы, наскоро стянутые какой-то верёвкой, растрепались и кудрявые пряди обрамляли миловидное личико с изумрудно-зелёными большими глазами. В них была печаль и какая-то смиренность.

А ведь он бы повёлся. Если бы сам не видел, как эта кудесница разрядила почти полный барабан в похитителя, он бы повёлся. На эти глаза, на скромность и незнание языка. Митя был крайне неравнодушен к сударыням в беде. Но она себя таковой не ощущала. Как только встал вопрос о жизни и смерти, она выбрала первое, козырнув второй. В момент, когда она встала в вагоне ресторане, зажимая револьвер в руках, и дёрнулась в его сторону, мужчина понял, что проиграл и его опасения верны. Она должна выкрасть королевские регалии, но тут чаровница снова удивила, хлопнувшись в обморок. Пожалуй, агенту шпионской разведки такое непозволительно. Значит...

И князь решил.

– Сударыня... – Девушка вскинулась и участливо подалась вперёд. – Не могли бы вы снять все ваши амулеты?

Она повела плечом, видимо, раздумывая над таким поворотом, но Лиховскому надо было узнать причину, почему он не может её прочитать. Она несмело потянулась к шее. Одёрнула руку и...

Кольца на каждом пальце, тонкие, хрупкие, драгоценные. Нити плетёных верёвочек на запястьях, ленты в волосах. Она стягивала с себя амулеты, и в изобретательности мужчина не

мог отказать. Один амулет, который маскирует все остальные. На ней не было до его просьбы ни одного украшения, а как только янтарь на шнурке оказался снят, всё остальное проявилось.

Она приподняла подол платья, ни капельки не смущаясь затянутых в чулки ножек, которые стали неприкрытыми. Развязала такие же нити со щиколоток. Из-под края юбки вытащила иголки с перламутровыми головками. Под воротником платья несколько брошей в виде тонких скрипичных ключей. Серёжки с ушей.

Горка на столе увеличивалась. Дмитрий брал некоторые украшения и прислушивался к себе, пытаясь разгадать для чего амулет. Потом девушка, закончив, вздохнула и протянула руки.

– Это я, к сожалению, снять не могу...

На запястьях красовались два тонких браслета из даорита. А под ними... Дмитрий сглотнул. Постарался отвести взгляд, но его словно приковало к шрамам, тонкие нити, которых мерцали серебром. Это было неправильно, такое приличествует мужчине, но видеть, как заговоренный металл проел кожу, оставив метки навсегда на руках девушки... Это было свинством!

– В-Вы... – слова приходилось выплёвывать. Даже не так. Их сначала необходимо было подобрать.

– Всё хорошо, князь, – тихо проговорила Алиса, всё ещё держа вытянутые над столом руки. А он приблизился и провёл пальцами по запястьям. Ведьма вздрогнула и дёрнулась назад, поспешно натягивая манжеты до пальцев.

– Что с вами случилось? – Этот вопрос никак не относился к допросу, но оставаться в неведении было бы неразумно.

– Драконье пламя расплавил металл...

Да что же за девица перед ним сидит? Драконье пламя, которое не принесло ей вред, но сняло наручники. Где она нашла дракона? Как вообще на ней оказались эти демоновы кандалы?

Алиса представлялась сначала ларчиком с двойным дном. И казалось, если убрать всё лишнее, то правда оголится. Но нет. Чем больше князь узнавал об этой девушке, тем сильнее запутывался.

Митенька откинулся на спинку диванчика и уставился в темнеющие леса за окном. Поезд мерно стучал колёсами, укачивая. Он прислушивался не только к тому, что его окружало: коридорный ходит, ребёнок читает стихи, скрип рельсов. Он слушал девушку, которая всё также была молчалива. От неё не исходило смущения и робости, когда он коснулся рук. Она не печалилась, когда её спросили про шрамы. Она была белым листом.

Лиховской прикрыл глаза, чтобы сосредоточиться. Вот раздражение с ароматом корицы. Детская обида со вкусом печёных яблок с мёдом. Дальше... Печаль пахнет вишнёвым пирогом. Ближе. Отчаянье горчит на языке односолодовым виски. Ещё ближе... Нет ничего.

Он глядел внутрь. Размеренно. Различал оттенки эмоций, сочные всплески цвета. Но ведьму он не видел в них. Митенька так отчаянно хотел пробиться через стену отчуждения, что сам не заметил, как тело ослабло. Оно свернулось на диванчике, угнездились. И уснуло...

Шорох юбок. Спокойное дыхание. Шелест старых страниц. От таких ещё часто пылью и чернилами пахнет. Вкусно. И вот лаванда... Митенька всё пытался вспомнить, какая эмоция разливает этот аромат. А потом резко распахнул глаза. Схватился за револьвер и направил на девушку, что сидела на полу, спиной откинувшись на дверь купе.

Алиса посмотрела на него поверх старой книги в твёрдом переплёте, который местами поистрепался. Потом приподняла левую бровь, сосредоточила взгляд на стволе оружия.

– Доброе... – Она многозначительно посмотрела в окно. – Ночь...

– Почему вы на полу? – Митя медленно убрал револьвер и скинул с плеч плед, который пропах лавандой. И подушка, что ему услужливо подложила девушка, тоже пахла этим же ароматом.

– На вас напали в вагоне-ресторане... – Она успела сменить платье. Выходила в уборную? Или он сонный настолько внушает доверие, что менялся туалет в купе? – Не на меня. На вас, князь. Вы допрашивали, а не стражи правопорядка. Вы нервничали. Были усталым. За вами кто-то охотится? Вас хотят убить? В любом случае мне показалось, что пару часов сна вам не помешают. А пол... Если ждать нападение, то спиной я почувствую, если кто-то решит зайти без спроса, а глазами увижу, что происходит за окном.

Кто эта девушка, что так легко смогла разложить по полкам всё произошедшее за сегодня? И ведь правду говорит. Императорский крест по-прежнему на шее.

Лиховской растёр лицо руками, прикидывая, сколько осталось до столицы. Вытащил из-за обшлага зелье. Снял пробку.

– Не рекомендую это пить, – заключила Алиса, присаживаясь напротив и кладя книгу на столик. – Вы с ног валитесь и успокоительное...

– Это стимулирующее. – Девушка покачала головой в отрицательном жесте. Протянула руку и мягко забрала склянку. Зажала горлышко, тряхнула пару раз. Растёрла между большим и указательным пальцами прозрачную жидкость и вдохнула полной грудью.

– Для стимулирующего в нём слишком много ромашковой эссенции и... – Она слизнула с подушечки каплю, поцокала язычком. – И корня пустырника.

– Откуда такие познания? – Митя покрутил в руках бутылёк с зельем. Надо же, какая нелепица. Пить несколько суток сонный эликсир и удивляться, отчего глаза сами собой закрываются. Но в случайности он перестал верить давно. А значит... А это значит, что штатного мага он утопит в чане с этим зельем. С особым цинизмом. Сонного.

– Грош мне цена, как чародейке, если я не отличу один настой от другого. – Девушка потянула дорожный ридикюль, пошуршала в нём и вытащила похожую склянку только чёрного цвета, откупорила, глотнула и протянула. – Попробуйте это. Должно помочь. Это и есть стимулирующее...

Князь с сомнением принял к зелью. Пахло приятно мятой. Он посмотрел на девушку, которая только что сама испробовала эликсира, намекая, что не отравлен, и решился. Хуже, чем уже есть быть не может. Она проследила, как он сглатывает горьковатую жидкость, и заключила:

– Вы удивительно беспечны князь. – Сложенные на груди руки и взгляд в упор. – Отпить вслед за мастером ядов и противоядий зелье, которое наверняка не навредит ему, а вот...

Глава 10

– Что это было? – голос хрипло выдавился, а Лиховской судорожно соображал, что делать. Да он повёлся на эту милую мордашку, поверил, что девица безопасна...

– Я же сказала: стимулирующее. – Робкая улыбка уголками губ. – Но впредь будьте осмотрительнее. Это я нечувствительна к большинству растительных ядов, но вы же не писали научную работу на эту тему и не практиковались на себе...

Остаток пути прошёл молча и нервозно. Чародейка сама была не рада, что так жестоко намекнула Митеньке на брешь в его защите. От этого девушка, читая книгу, тихонько расковыривала форзац, поправляла ежеминутно манжеты. В какой-то момент находиться с беспокойной попутчицей стало невозможно. Князь по-прежнему не мог почуять её, но эта видимая смущённость раздражала невероятно. Подали чай с калачами. Собеседница ела непривычно. Она надрезала сладкую булку и внутрь клала две ложки крыжовенного варенья. Пила густой чёрный напиток с ароматом зверобоя мелкими глотками. Дмитрий только пригубил из стакана, продолжая исподволь наблюдать. Что же такое скрывает его неожиданная предсказательница?

Наводящие вопросы не помогали. Девушка ушла в глухую и немую оборону. Отвечала односложно. Хотя потом стала сама поддерживать беседу, ту её часть, где мужчина настаивал на «Короне». Ведьме дальше путешествовать с ним не хотелось. Почему-то это коль-

нуло неприятно. Не то чтобы Митенька страдал заниженной самооценкой, просто как-то вдруг обидно стало. Он был обходителен, вежлив, честен. А ему чуть ли не прямым текстом говорят, что не желают его общества. Только из природной вредности князь делал вид, что не замечает намёков.

В столице шёл снег. Хлопьями. Медленно спускался на перрон. Девушка разглядывала тёмное небо в свете магоосвещения. Потом перевела взгляд на встречающих.

– А где медведи с балаболками? – по-иртанийски, но оттого не менее коверкая изначально проские слова, спросила ведьма.

– С балалайками? – всё же уточнил Митенька, придерживая спутницу под локоть и отводя к карете. Она смущено кивнула и затормозила.

– Князь, всё же я не могу воспользоваться вашим добросердечием. – Девушка мягко отняла свою руку. – Мне не стоит дальше путешествовать с вами и тем более рассчитывать на покровительство...

Дмитрий занервничал. Ещё сейчас не хватало начать уговаривать очень подозрительную девчонку. На пороге сознания кольхнула мысль скрутить её и запихнуть в карету, но воспитание бурчало, что подобное не достойно наследника уважаемого рода.

– Алиса, садитесь в карету, обсудим это позднее... – Он попытался всё-таки затолкнуть ее в экипаж. Она вывернулась и прищуренным взглядом выразила недовольство.

– Нет, Дмитрий. – Выдернула руку из захвата, отступила в сторону. – Я никуда с вами не поеду.

– Поедите. – Зачем-то признался Лиховской и только спустя пару томительных мгновений понял, что совершил ошибку, так настырно заставляя ее принять его помощь. Алиса качнулась в сторону, уходя от цепких пальцев, крутанулась на носках и побежала! В ближайшую подворотню, малоосвещённую и зловещую, но наверно более безопасную чем его общество. Митя выругался и отправился следом. Примечательно, что девчонка плюнула и на свои вещи уже пристроенные в багажном отделе, и на полное незнание столицы. Нагнать беглянку удалось быстро. Она застопорилась в тупиковом переулке. Когда Митя приблизился, ведьма уже примерялась как бы половче взять на бордаж стену.

– Прекратите этот спектакль, – холодно приказал он. – Немедленно вернитесь на площадь и сядьте в карету.

Наверно не стоило так давить. Девчонка гневно сверкнула изумрудным огнём глаз, так что не будь он уверен, что даоритовые браслеты на ней, точно поверил, что стала колдовать. Но и без магии она нашла чем удивить. Откинула капюшон с головы, распахнула плащ, обнажая руки, и встала в боевую стойку.

– Ландийский бокс? – подавившись смешком спросил Лиховской, но ведьма не была настроена шутить, поэтому просто с силой саданула острым носком сапога ему по колену, при этом выкрикнув:

– Пошлая иртанийская драка!

И дёрнулась в сторону, стараясь обогнуть и сбежать. Дмитрий выругался на своём родном языке. Колено ныло, как будто он приложился о наковальню, но не помешало вовремя схватить край плаща. Девушка взвизгнула и, поскользнувшись, рухнула на снег. Князь, всё ещё матюгаясь, подошёл, прихрамывая, и вздёрнул её за шиворот как непослушного щенка. Получил по морде, что, в общем-то, заслуженно. Во избежание подобных сцен ведьму пришлось связать её собственным плащом, как гусеницу и закинуть на плечо. Она верещала и дрыгалась.

– Успокойтесь. – Он нечаянно хлопнул её по заду, визги стали громче. – Я не причиню вам вреда.

– Зачем я вам? – пыхтело со спины. – Что вам нужно? Согласна, шутка с зельем так себе, но это не повод...

– Вы свидетельница нападения, – начал тихо князь, стараясь хоть как-то уговорить эту нервную особу. – Ваша магия скованна, вы не знаете столицы, на улице ночь...

– Вот именно! — Она боднула его лбом в рёбра, Митенька сбился с шага. – Откуда мне знать, что вы не чокнутый маньяк, не убийца...

– Прирезать и изнаsilовать вас я мог и в поезде. – Ноша на плече продолжала бодаться.

– А куда бы труп спрятали? – Ведьма попыталась выпрямиться, пришлось ещё раз приглубить по филейной части. – А сейчас прячьте в любом сугробе, никто даже не вспомнит, что прибыла в Проссию неизвестная Алисия Гордон, ассистентка некроманта из Вортиша...

Князь всё-таки затолкал девицу в карету. Она не устояла на ногах и села между креслами. Мужчина поймал немигающий взгляд. Точно такой же, как в ресторане и тряхнул девушку за плечи.

– Алиса. – Она не могла сфокусировать зрение. – Алиса, что вы видите?

По щекам заструились слёзы. Она смотрела куда-то за спину и боялась встретиться глазами. Потом быстро бессвязно зашептала:

– Стрелок на крыше ратуши... – Надо будет пояснить, что это почтовое отделение... – Первая пуля чиркнула по плечу. Вы ушли из-под обстрела. Слева...

Митенька понял, что это засада. А противная девчонка только что упростила вора́м жизнь. Если бы не её концерт, они бы уже выехали на площадь. Поэтому, глядя в изумруды глаз, он тоже зашептал быстро:

– Гостиница «Корона». На имя князя Лиховского...

– Хук слева... – продолжала Алиса.

– Не выходите из номера... – наставлял князь.

– Апперкот...

– Полдень. Собор Святой Эжберты...

Дмитрий притянул к себе девушку, она дрожала и дорожки слёз блестели в свете ночи. Он обхватил её ладонь, прижал себе к груди, заставляя сжать императорский крест. Наклонился к лицу ведьмы, украл мимолётный взгляд из-под мокрых ресниц и коснулся губами губ.

– Завтра в полдень жду вас... – Дёрнул со всей силы через рубашку имперскую регалию вниз, обрывая цепочку и заставляя Алису стиснуть крест в своей ладони. Отступил от кареты. Хлопнул дверью, отрезая девушку от перестрелки. Свистнул, привлекая внимание и пугая лошадей. Вытащил револьверы.

– Поиграем? – спросил сам у себя и выстрелил в тёмный проулок, где дёрнулась тень.

Глава 11

Морозный вальс. В окне, что затянуло снежным рисунком, пляшет снег, поднимает в воздух уже опавшие снежинки. Он выюжит, гарцует под копытами изредка проезжавших лошадей с каретами, путается в волосах незнакомки. Забирается под тяжёлые юбки благочестивых матрон, оседает хлопьями на дорогах или поношенных сюртуках мужчин. Он словно проникает под кожу, холодит кровь, что ещё ночь назад была горячее расплавленного серебра в тигле. Он заставляет замерзать.

И Элис мёрзнет. Кутается в большой кроватный плед. Дышит на руки. И всё одно – мёрзнет. Почему-то казалось, как только она покинет стены поместья Стенли, всё изменится. Но она вновь влезает в неприятности, потому что наверно она неизменна. Как магнит, как самая притягательная драгоценность в королевской сокровищнице для дракона, как пресловутый мёд для пчёл. Это она сама шлейфом сеет беды. И князь...

Князя было жалко. За него было страшно. В конце концов, он не самый ужасный представитель своего вида. Элис хмыкнула.

Ещё несколько часов назад она была диаметрально противоположного мнения, когда мужчина отказался её отпустить. А теперь... Теперь она не уверена, удалось ли ему выбраться из перестрелки, и крест ещё этот имперский.

Элис приподняла тяжёлую подвеску. Покрутила в руках. Что же такого важного в этой регалии, что господин Лиховской защищал её ценой своей жизни? А что он усмотрел в ней, во взбалмошной чародейке, что опасно лавирует своими шутками, раз доверил сохранить царское сокровище? А если он не выбрался? Что ей тогда делать? Куда бежать?

Ох, Элис... Ты не просто влипла, на этот раз ты увязла по колена в болоте, что зовётся государственная служба. И были бы хоть какие-то ниточки... Но нет, только полдень и Собор. Явится ли князь? И как добраться до храма, не привлекая лишнего внимания?

Она вернулась в кровать. Спать не могла, поэтому перекатывала в голове варианты того, как выбраться из этой истории с наименьшими потерями для своей психики. Хотя что её психика, ей можно было гвозди забивать в крышки гробов недоброжелателей, а остальных было жаль, не каждый день людям доведётся столкнуться с бессмысленной и беспощадной ведьминой логикой.

Алисия уже решила, как спрячет крест. Это же всего лишь амулет по факту? Пусть излишне напичканный камнями, но всё же... Девушка очень опечалилась, что пропускала уроки геральдики и светского воспитания, позорно проигрывая партию за партией тётке Кло в преферанс. А сейчас быгодились знания, что эта конкретная регалия даёт владельцу. Хотя коварная мыслишка, что это всего лишь символ власти, мелькала на краю сознания. Так вот... Прятать крест она будет так же, как и остальные свои амулеты, закрывая искусным мороком от янтарной подвески, что в конце лета подарил ей Грегори.

Сердце противно жалось. Забилось, взвыло. Алисия смахнула с глаз резко выступившие слёзы. Ей было по-прежнему больно думать о некроманте, вспоминать его руки, а потом, как он этими же руками обнимал другую. И противно оттого, что возможно ничего не изменилось, ведь приворот – эта такая вещь, вполне может быть, что и без него магу нравится певичка. И тогда наступала злость вперемежку с отчаянием. Оно выло внутри, скалилось. И Элис не знала лекарства, чтобы склеить разбитое сердце.

За несколько часов до полудня Алисия пригласила горничную, чтобы ей помогли одеться. Она выбрала платье с тугим корсетом, под который, для надёжности засунула императорский крест. Миловидная девушка всё вопияла, для чего так туго завязывать шнуровку, но Элис была непреклонна, хоть немного и сдавлена.

Снег продолжал свой танец, и в окно кареты младшая Гордон рассматривала побелевшие улицы. Когда колёса коснулись площади, она опять отодвинула шторку: огромная зелёная ель стояла в центре, увенчанная разноцветными игрушками. Вокруг неё был небольшой заборчик из тёмного дерева. За ним играли дети в снежки, а дамы чинно прохаживались, наблюдая за своими чадами. По углам вертелись лоточники и предлагали то орехи в меду, то мягкую сдобу, чей аромат пропитал несколько кварталов окрест. Было красиво. Элис никогда не бывала в родной столице перед празднованием Рождения года. Наверно там тоже хорошо. Но тут другой колорит: несколько мужчин играли на аккордеоне, хотя из курса истории младшая Гордон знала, что у них это называется баян. Кто-то катался на коньках в отдалении по залитому водой и замёрзшему клочку брусчатки, ограждённому таким же заборчиком. На противоположной стороне в маленьких открытых лавках торговали деревянными ложками, какой-то плетёной обувью и леденцами на палочках в виде петушков. У Элис засосал желудок от запахов сдобы, вида сладостей и аромата горячего вина. Последняя булочка ещё в купе поезда была немым укором её безалаберности. Ну что стоило позавтракать? Но в гостинице почему-то кусок в горло не лез.

Собор поражал своей божественностью. Фрески с изображением богов, купол расписан, везде серебро и золото, иконостас. Элис была совсем нерелигиозным ребёнком. Воскресную школу прогуливала, когда её отпускали без няни. Тогда эти несколько часов она проводила в лавке зельевара или в библиотеке, а уж когда приезжала погостить в Витскрип, то Клотильда

Матеуш вообще предпочитала службам шахматы, в которых для решения проблем хватало одного мата.

И запах... Тонкий елей, мирра и ладан...

Алисия передёрнула плечами, словно сомневалась, что ей с её греховными мыслями и поведением можно ступать по полу храма. Она никогда не считала себя правильнее всех остальных, но что-то хорошее всё же в ней есть. Тогда почему словно каменная плита давит на грудь?

На скамейках сидели пожилые дамы. Они попеременно осеняли себя божественными знаками и кланялись в пол. Какие-то люди стояли почти у икон и слушали святого отца, что вёл службу. Элис незаметно, стараясь не стучать каблуками, приблизилась и тоже попыталась проникнуться святостью. Вышло плохо. В голову лезли мысли о своей ущербности. Всё это смело приправлялось потаёнными страхами.

Князя нигде не было. Хроносы на площади показывали начало одиннадцатого, плюс две лучины на дорогу. Что ж, у гусара есть около получаса. Но почему так тревожно? Подумав, Элис не рискнула выйти из храма. Она постояла подле икон, поставила несколько свечей за здоровье, вот проклятому некромантишке аж целых три. На этот раз воспоминание о Грегори разлилось неконтролируемой яркостью, но Алисия резко пресекла сама себя. Не хватало ещё в святом месте гневаться. И так грехов не счесть.

В какой-то момент песнопения прекратились. Элис сидела на тех же лавках, что и старушки, только в отдалении, уж больно косые взгляды бросали они на неё. А потом приподняла глаза от пола и наткнулась на чёрную рясу. Святой отец стоял в двух шагах от неё.

– Дитя, пройди на исповедь, – на чистом иртанийском предложил священник, и Элис буквально уронила челюсть. Хотела еще и самообладание, но протянутая рука предостерегла.

– Конечно, святой князь... – оговорила Алисия, медленно поднимаясь с насеста и следуя за мужчиной.

Глава 12

– Вы с ума сошли! – бросилась с обвинениями Элис, когда они скрылись в какой-то келье. Причём шёпотом, боясь нарушить хитроумный план Дмитрия. – Это святотатство. Вы что украли рясу у святого отца?

Княжеский отпрыск, со скоростью достойной опытного любовника, скидывал с себя одежду священнослужителя. Отцепил бороду и, стянув через голову нательную рубашку, выдал:

– Какие святые отцы? Побойтесь Бога! В этом месте святости меньше, чем в ближайшем борделе.

Закончив свой спич, князь повернулся лицом к Алисии, и она зашлась очередным вздохом возмущения.

– Вы... вы... – Она обличительно ткнула пальцем в мужскую грудь, как раз туда, где болтался священный крест. – Вы что ещё и святые регалии решили к рукам прибрать?

Дмитрий задумчиво посмотрел себе на живот, стянул через шею длинную цепочку, которая размерами могла сойти за ловчее лассо. Покрутил на пальце, словно примеряясь, как бы быстрее заставить подельщицу заткнуться, но простой серебряный крест решил всё за него. Неловко прорезав воздух, он слетел с руки, бухнулся куда-то в угол, а Дмитрий лишь затравленно огляделся.

– Это невероятно, – Элис закрыла глаза руками. – Вы точно будете наказаны за такие фортели.

Она прошла по узкой комнате от стены к стене. Глядеть спокойно на обряжающегося в другую одежду князя не получалось. Он то ругался, то призывал высшие силы в свидетели своего грехопадения.

– Алиса, снимайте платье... – прервав очередной виток сетований, сказал Лиховской. Элис выкатила глаза и для убедительности вцепилась в свою одежду, почему-то на груди. – Без истерик. Нас не должны узнать...

– Нас? – задохнулась Алисия. – Нас? Нет никаких нас! Я всего лишь привезла вам крест, который вы обманом вчера всучили мне.

– Кстати, где он? – пропустив мимо ушей последнее обвинение, уточнил Дмитрий.

– На мне! – выдала Элис. – Но даже не думайте, что вы так просто втянете меня в это вот всё!

Она демонстративно обвела рукой помещение, но фееричность момента смазал какой-то комок одежды, что прилетел почти в лицо. Младшая Гордон зловеще выверилась на имперского шпиона, а то, что князь именно им и являлся уже не тайна, и только собралась гордо развернуться, как мужчина порывисто бросил:

– Переодевайтесь, нас не должны узнать...

Алисия во все глаза вытаращилась на то, как офицер, доблестный мужчина, натягивает на себя дамское платье. Вот он застрял в плечах, попрыгал, вытянул руки наверх, пытаясь хоть так втиснуться в наряд, но дело застопорилось.

– Не окажете услугу? – Он вздохнул ещё раз, норовя справиться самостоятельно, но ткань противно затрещала. – Что вы там замерли, как будто первый раз видите, как мужчина в платье обрягается?

Элис много видела. Да что уж. Она даже Грегори в юбке видела, хоть он и заверял, что это килт. Но чтобы полный дамский туалет на усатом гусаре...

– А с усами, что делать будете? – Она расстегнула пару пуговиц на спине, и князь выдохнул. Платье пришлось дёрнуть за подол. Оно очень красноречиво натянулось на рельефных мужских плечах.

– Платком прикрою, – буркнул Дмитрий. – Переодевайтесь, Алиса...

Девушка снова задохнулась возмущением. Но потом решила просто отдать регалию Лиховскому и проворно стала расшнуровывать платье, чтобы подвеска смогла без проблем выбраться наружу.

– Алиса, – сквозь зубы выдавил Дмитрий. – Я вынужден просить вас о помощи. И я попрошу, не сомневайтесь. Не только от себя лично, но и от всей Просской Империи.

– Только посмейте, – предостерегла Алисия, выудив из-под платья крест и перекинув его Лиховскому.

– Алиса Гордон, от лица...

– Не смейте, – взвизгнула Элис. – Я отказываюсь. Я не собираюсь. Мне страшно, я боюсь вас, вашего секретного дела и всей вашей разведки.

Элис перетряхнуло от ужаса, который прокатился по спине. Здесь нет Грегори, нет отца, да что уж... Тут даже противного господина Дювье нет, чтобы в случае чего она могла рассчитывать на его заступничество. Надо привыкать полагаться только на себя, поэтому она и отказывалась от столь щедрого предложения.

– На вас кандалы. Вы не успеете покинуть площадь, вас пристрелят или выкрадут. Вы не сможете защититься...

Элис всхлипнула.

– Что вам от меня нужно? – без обиняков спросила она, сверкая из-под надвинутого на голову капюшона прищуренными глазами.

– Вы предчувствуете смерть, – признался князь, испытующе всматриваясь в её лицо. А Алисия невидяще уставилась сквозь мужчину, как будто до неё только что дошло, что он её нужно офицеру. Но это никак не могло повлиять на её нежелание ввязываться в сомнительные аферы. Она вдохнула полной грудью, сосредоточилась на ощущениях и бросила в князя кулём одежды. Пока мужчина выпутывался, она обернулась к двери и выскочила в неё, под-

перев каким-то обломком дерева, что лежало в коридоре. Услышала неразборчивую ругань и припустила по сырам коридорам храма.

Морозный воздух хлестнул по щекам, и Элис выдохнула. Поплотнее завернулась в плащ и пошла по присыпанному мелкой крупой снега тротуару. Свернула на перекрёстке в сторону булочной.

Она попеременно оглядывалась, боясь увидеть преследующего её мужчину. Так сильно боялась, что не заметила другого господина в сером коротком пальто, что вышел из переуллка.

Они столкнулись. Всего на миг, чтобы незнакомец коснулся её запястья и улыбнулся, что-то сказав на местном диалекте. Алисия растерялась и просто наклонила голову. Её не задерживали, но взгляд лёг между лопаток. Когда ей удалось перейти дорогу, мужчина в сером ещё стоял на месте, и это начинало нервировать. Элис поглубже натянула капюшон плаща и на очередном косом взгляде не заметила низкую старушку, что дёрнула её за подол. Стараясь не отрывать взгляда от подозрительного незнакомца, Алисия не сразу поняла, что от неё требуется, но пожилая женщина продолжала тянуть вниз платье, при этом на хорошем ирландском прося:

– Деточка, слови извозчика.

К мужчине в пальто приблизились ещё двое. Они о чём-то говорили и потом всей компанией посмотрели на Элис. Только тут она поняла, что князь был прав. А старушка всё ещё теребила её за одежду, и до чародейки дошло взглянуть на эту неугомонную бабушку. Та подмигнула лукавым голубым глазом и мужским басом, сквозь шаль, ещё раз сказала:

– Извозчика кликни.

Глава 13

Митенька матерился. И опаздывал. К слову, особенно сильно, поэтому просто повязал поверх старую побитую молью шаль и вылез в окно. Дверь— то подпёрли и не было смысла в неё ломиться.

Ведьма – дура. Вообще, все бабы дуры. Чувствовалось, что с такими неординарными, а хотелось сказать клиническими особами, он совсем разочаруется в прекрасном и уйдёт в монастырь. Потом правда его кобелиная натура от этого взвоят и тогда придётся перебираться в женскую обитель.

Рёбра ныли, в левом ухе стреляло настолько сильно, что временами Митя, казалось, оглох на всю эту половину: ночной подарок от наёмника, что удачно прицелился и чуть не пробил бедовую княжью головушку. Но Дмитрий не просто так на имперском довольствии, поэтому и успел уклониться, а вот слух не очень.

Под ногами скользило и норовило убить маскарадного князя. Он ругался и проклинал. А ещё поражался девичьей глупости. И вы только взгляните какая ему строптивая чародейка попала, ведь не подействовало на неё ни мужское обаяние, ни просьбы. Последние почему-то вызвали в девчонке такую бурю паники, что Дмитрий сам недоумевал, как не ринулся терзать Алису расспросами.

Два переуллка спустя Митя заметил знакомую фигурку и чуть не начал материться вслух, потому что девка всё же подцепила хвост. Вон стоит, скалитесь засранец. А ещё Алиса была так напугана, что не сразу поняла кто перед ней и чего хотят, просто хлопала глазами и нервно озиралась.

– Извозчика, – снова пришлось повторить, на этот раз своим голосом, и девчонка очухалась. Дёрнулась подхватить под руку, но одумалась и скакнула на дорогу, цепляя первого попавшего. Митя, пародируя страшно больную и немощную старуху, с кряхтением влез в прогулочную бричку. Растяпистый мужик на козлах смолит сигарку и сплёвывал куда-то на тротуар.

Алиса запрыгнула ретиво, чуть не грохнувшись на самого Дмитрия, однако удержалась и вымолвила:

– Они идут сюда...

Оборачиваться не стоило, и Митя просто вытащил из-за пазухи монету, окликнул мужика и, бросив золотой, приказал:

– Гони!

И мужик погнал. С места. Хлестнув поводьями так, что воздух засвистел. А потом коляска рванула вперёд, и только тут князь обернулся. Три наёмника неслись по тротуару, расталкивая прохожих. Кто-то кричал и ругался. Одна старушка плюхнулась в сугроб. Дородный парень не пропустил хулиганов и преследователям пришлось обегать его с разных сторон. Потом один смекнул тоже обзавестись колёсами и, подскочив к извозчику, толкнул с козел и занял его место. Двое остальных прыгнули на пассажирские сиденья. Митя поджал губы и нащупал под балахоном платяя пистолеты. Оглянулся ещё раз и крикнул:

– На Першенской уходи! – На козлах понятливо кивнули, и ветер снова засвистел в ушах. А потом раздались выстрелы. Алиса вздрогнула и сползла ниже по сиденью. Кони дёрнулись в сторону перекрёстка, взбунтовавшись от звуков. Извозчик лишь оглянулся и ещё хлестанул вожжами.

Началась стрельба. Митя надавил на бедовую головушку девчонки, чтобы та и не думала подниматься, и высунулся сбоку. Два коня спешили вслед за ними. Они разбивали снег копытами, а трое наёмников не стеснялись в средствах. Дмитрий тоже.

Его выстрел произвёл на лошадок большее впечатление, и коляску наёмников повело к тротуару. Тот, что на козлах не справился с управлением: просто хлестал по животным, призывая их к порядку. Выстрелы стали чаще. Народ голосил и разбегался в стороны. Ох и огребёт князь от градоначальника за перестрелку среди мирного люда.

Грохот стрельбы раздавался слишком близко. Одна пуля пробила брезентовый верх, и у Мити появилось новое отверстие для контроля ситуации. Воспользоваться не успел, потому что извозчик заорал, напугав не только лошадей, но и ведьму. Когда князь понял, что в мужика попали, он перелез под обстрелом на козлы и крикнул:

– Прыгай, пока голову не простелили! – Мужик замотал этой самой головой, не выпуская из простреленной руки вожжей. – Прыгай! Лошадей и повозку покупаю!

На колени упал тугой кошелёк, и извозчик сунув свой нос в него тут же перекрестился, снял шапку, возрился на небо и ляпнул в сердцах:

– А и поделом! – И сиганул с места, с проворностью акробата. А Митя перехватил поводья, натянул, чтобы успеть войти в поворот, и пригнулся от пули, просвистевшей над головой. Обернулся и наткнулся на испуганные девичьи глаза. Поджал губы и, решаясь, крикнул:

– Револьвер?

Алиса закивала и князь, кочевряжась всем своим рассудком, всё же протянул оружие в тонкие трясущиеся руки. Она перехватила его так резво, что Митя чуть не дёрнулся следом, но опять отвлекла стрельба. А девчонка не подкачала. Мазала она, конечно, нещадно, но распугивала преследователей знатно, при этом так ни разу и не высунувшись из-под закрытого верха. Ей было достаточно уже сделанных дыр. А ситуация усугублялась. Выстрелы, люди, постовые... Всё это слилось в какофонию звуков.

Одну из лошадей подстрелили, и Митя осознал, что это почти провал. Он дёрнулся вперёд, перерезать ремни, чтобы животное не затрудняло бег. Навстречу ехал работяга с открытой повозкой. Дмитрий прикинул варианты.

– Алиса, – заорал он сквозь шум улиц. – Повозка! Прыгайте.

Что там девчонка решила, он не рассмотрел, потому что сам хлестанул загнанных коней ещё раз, перебрался в коляску и свернул верх брички, уже в открытую стреляя в преследователей. Попал в того, что на козлах. В стане врага случилась революция. Двое остальных начали отпихивать раненого. Пока этот балет задерживал наёмников, Митя развернулся и, подхватив ведьму за шкирку, как котёнка, толкнул в проезжающую мимо повозку. Прыгнул сам. С при-

скорбием опознав внутри телеги хороший дубовый гроб. Помощник гробовщика закричал, но Дмитрий слишком устал, чтобы что-то доказывать и просто наставил револьвер в грудь ни в чём не повинного человека. Тот вскинул руки и быстро спрыгнул со скамейки. А Лиховской перебрался и подхватил вожжи. Хлестнул ими. На скорости пролетая мимо никак не совладающих с раненым товарищем наёмников, он подумал, что такой удобный случай грех было упускать, поэтому почти разрядил револьвер в преследователей. Одному удалось увернуться, но этого князь уже не видел, потому что повозка развила такую скорость, что сидящая в телеге Алиса оседлала в гроб, чтобы хоть как-то удержаться и не вывалиться за борт.

Михей Косой никогда-то не признавал за собой косоглазия. Бывало, конечно, что с великого перепоя он в любимой тёще признавал старого кладбищенского упыря, но вот на трезвую голову никогда с ним подобного не происходило. А то что глаз левый смотрит вправо постоянно, так это только чтобы сглаз отвести. Да-да. Это верное средство. Ещё маменька советовала в кармане дулю скрутить. На всякий случай, во избежание.

Но вот третьего дня приключилось в жизни Михея счастье: мастеровой, что всю душу из него выпил, приказал долго жить и Косой не просыхал всё это время. Он бы может, и дальше продолжил квасить, если бы деньги не кончились.

По дороге неслась телега. Под улюлюканье и крики толпы. Поначалу от долгих возлияний Михей не понял почему кричат ему, а когда повернулся...

На козлах стояла здоровая усатая баба, которая при ближайшем рассмотрении оказалась мужиком в платье, что задралось до срамного высоко, оголяя не только волосатые икры, но и почти показывая всему честному народу голубое исподнее. За ним, в телеге, вереща не хуже любимой тёщи, на гробу восседала ведьма. Однозначно ведьма! Кто ещё может такое святотатство устроить, оседлать последнее пристанище человека. Она визжала и кричала. Её пробрасывало на ухабах, но она сжимала строимыми бёдрами крышку домовины с такой страстью, что все местные мужики от зависти рты приоткрыли. И вся эта красота летела прямо на него. На третьего сына священника из деревенского прихода, что три дня не просыхал от выпивки.

В этот страшный миг Михей вспомнил все молитвы. Он осенял себя божественными знаками. И быть бы ему подавленным под копытами коней, если бы в последний момент мужик в бабьем платье не хлестанул коней и не увёл их в боковой проулок.

Косой стянул с головы треух, ещё раз перекрестился и, развернувшись, пошёл обратно в булочную, которая для своих была и рюмочной. Такие страсти. Захочешь бросить пить, да как тут трезвому выжить?

Глава 14

От ведьмы пахло сладко. Тем забытым ароматом детства в старом поместье при бабушке. И Митенька не выдержал: втянул запах полной грудью. А Алиса, заметив этот многозначительный перформанс, заёрзала ещё сильнее под своим плащом, но промолчала. Она вообще была немногословна. И когда он притащил их в убогий лупанарий, потому что больше никуда не мог привести, все схроны не внушали доверия. И когда раздевался, осторожно вытаскивая левую руку из рукава платья, потому что та была задета пулей. В порыве погони все эмоции зашкаливают, и не этого было, а когда первый прилив сил прошёл, плечо заныло, словно в него воткнули металлический прут и с наслаждением проворачивали. Алиса помогла стянуть верхнюю одежду и аккуратными движениями убрала, пропитанную кровью, ткань с раны.

Хозяйка публичного дома, что был на задворках города, принесла вино, какую-то еду, поношенную мужскую одежду и в жестяной банке нитки, иголки и тонкие лекарские ножницы. Девчонка приготовила инструменты. Закинула в стакан с вином. Хороша была бы водка, но никто до этого не додумался. Зашивать в полевых условиях ранение для Дмитрия не в новинку, но он ещё ни разу не видел за этим занятием чародейку. Особенно такую молодую, трепетную. Заговорила она тихо, приблизившись к нему и ещё раз взглядываясь в рану.

– Князь, вы же понимаете...

В этот момент Дмитрий оказался жуть до чего непонятлив, даже слабоват умом, потому что только сел поудобнее, опершись здоровой рукой о стол, а раненую положил так, чтобы свести края разрыва.

– Что? – хрипло спросил Митя, уже предчувствуя боль от иглы, что скользнёт сначала по нижним тканям, а потом доберётся и до верхних.

Алиса сполоснула руки в умывальнике на резных ножках, что стоял прямо в комнате, стряхнула их и вытерла не сильно чистым полотенцем.

– Сепсис...

– Другого выхода я не вижу...

– Ошибаетесь. – Она ударила свои запястья друг о друга, и серебряным звоном запели браслеты. – Без них я смогу намного больше.

Иногда так бывает, что несколько демонов раздирают душу. Ну или демоны и жаба в комплекте. Сейчас рациональная часть Дмитрия кричала, что загнуться от кровопотери это менее героически, чем пасть в битве за империю. А вот мнительная часть нашёптывала, что нельзя верить никому.

– Я не сниму с вас браслеты, Алиса.

– Ваша самоуверенность была бы понятна, имей я с собой хотя бы снадобья и инструменты. Сейчас она смешна.

Сказала, как плюнула. Поджала губы. Плеснула в бокал вина и двинула к Мите. Отрицательное покачивание головой, но Алиса так злобно зыркнула, что он вдруг подумал: от одного бокала всё равно не захмелеет.

Боль прошила плечо, и Митя сжал зубы. Алиса работала медленно, поправляла швы и затягивала плотно, чтобы обработанная рана не открылась от неловкого движения. Этот путь в двенадцать стежков показался почти демонским пеклом. Руку простреливало от каждого движения иглы, пальцы временами немели, и Митя, в порыве доказать самому себе, что всё хорошо, медленно шевелил ими, за что получал фыркание чародейки почти на ухо.

– Где вы научились лекарскому делу?

– Там же где и демона изгоняла, – огрызнулась и подхватила ножницы, завершая долгий путь из аккуратных швов. И всё. Больше она не проронила ни слова.

Молчание тянулось и тянулось. Алиса размеренно дышала, не пытаясь спросить или сказать. Слово сам факт разговора удручался её. И под ведьмовский аромат, под приглушённые звуки аккордеонов и пианино, что докатывались с этажей ниже, Дмитрий не заметил, как забылся сном.

Визг. Острый. Громкий. Режущий сознание. Это он заставил Митю соскочить с постели и слепо озираясь направить на голос револьвер. Сзади что-то упало. Он обернулся и встретил здоровый кулак, что влетел в челюсть с болезненной точностью. Дмитрия бросило на кровать, неудачно приложив головой об изголовье. А сверху навис мужик, той пролетарской наружности, что за медьку прирезать готов.

Визг не стихал, и тут до князя дошло обернуться и увидеть, как Алису тащил к двери ещё один маргинальный элемент, держа под грудью. Девчонка извивалась, дёргалась и укусила обидчика за запястье. Ей удалось выскользнуть из объятий амбала, но ненадолго. Тот споро перехватил её за косу и дёрнул на себя. Передумал и сменил траекторию, целя лицом девчонки в косяк, она извернулась на поводке из волос и приложилась в острую грань спиной и затылком. А потом саданула, что было силы в пах. Мужик взвыл.

Ну и старая же дрянь, хозяйка борделя. Надо будет на неё натравить советника по внутренним делам и святую паству храмовников.

Дела у самого Мити шли не так радужно. Его обыскивали, пока он тут изволил чувств лишиться. Грубые пальцы разодрали ворот и схватили цепь с крестом. Дмитрий дёрнулся впе-

рѣд и ударил лбом в переносицу наёмника. Мужик пошатнулся и схватился за голову. Дмитрий откатился по кровати и свалился с другой её стороны, отыскивая взглядом свой револьвер. Алиса кричала так сильно, что ещё миг и, казалось, стѣкла не выдержат и пойдут мелкими трещинами. Но князь заставил себя не обращать внимания, не прирежут же её, пока он не разберѣтся со вторым убийцей.

Оружие лежало в двух шагах от окна, там, где Митя потерял ориентиры от удара в челюсть. Он поднырнул под высокую кровать и пополз. А на выходе увидел ноги мужика в старых заношенных сапогах. Дмитрий распластался как лягушка и поменял положение ногами вперѣд. Показалось, что это не сильно хорошая примета, но выбирать не приходилось. Он со всей силы ударил по щиколоткам наёмнику. Тот рухнул как мешок с картошкой, и князь явил себя народу. Тут же дѣрнулся к револьверу, но убийца, оправившись от коварства просских аристократов, прыгнул этому самому аристократу на спину, зажав шею в попытке задушить.

Наёмник был тяжѣлым, и Дмитрий даже не стал искать в себе силы сбросить такого сноровистого наездника со спины. Он просто завалился набок, и пока мужик потерялся в пространстве, воспользовался приёмом чародейки – вцепился зубами в вонючее табаком запястье. Дезориентированный противник заорал и выпустил князя из захвата. Митя скакнул на два шага вперѣд и подобрал револьвер, собирался развернуться, но паскудная подножка перепутала все планы. Пока Дмитрий падал, успел зацепить затылком маленькую козетку, отчего в голове зашумело, завибрировало, а перед глазами разъехались красные круги. Он зажмурился, уговаривая себя, что он не барышня – хлопаться в обморок.

Козетка закрыла половину обзора, и Митя решил её немного сдвинуть. В сторону наёмника. С размаху шандарахнув по хребту. Мужик заорал и, извернувшись, попытался пнуть в пах. Митенька отскочил и подцепил сапогом старое кресло. Противник очухался и тоже поднялся на ноги, вытаскивая из-за пояса кинжал. Он замахнулся слишком быстро, но Дмитрий пнул в него кресло. То угодило в живот. Воспользовавшись заминкой, князь поднял оброненный револьвер и не целясь выстрелил. Пробил ногу. Для порядка ещё раз в плечо.

Горький запах пороха, железный – крови и женский визг. Он подозрительно не вовремя оборвался, и Дмитрий обернулся. Алиса стояла на цыпочках, прижатая спиной ко второму наёмнику, что держал короткоствольный ЛеМан у виска девчонки.

– Пукалку свою брось, имперский ублюдок! – выплюнул мужик, сильнее притягивая к себе ведьму, что использовал на манер живого щита. Девчонка замерла, даже не пыталась разжать хватку убийцы. Она опустила руки, и они свисали вдоль туловища.

Самое главное в такие моменты не смотреть в глаза. Только не поднимать взгляд. Тогда всё проиграно. У князя не будет выбора. Вообще, это дерьмовый выбор, где на одной стороне стоит имперская власть, а на другой – человеческая жизнь. Митя выдохнул сквозь сжатые зубы.

– Шевелись, князѣк, – прогундосил наёмник и дѣрнул Алису на себя, заставляя зацепиться ногами за ковѣр и запнуться. Она взмахнула руками в попытке удержать равновесие, и на мгновение перед глазами блеснули серебром даоритовые браслеты. – Крест снимай.

Дмитрий медленно залез за ворот рубашки. И не отрываясь смотрел на запястья девушки. Это ведь так просто. Она же сама говорила, что без даорита смогла бы намного больше. У него пассивный дар. У неё активный. Надо только снять с неё проклятый металл, и она сама спасѣтся. Всего два выстрела. Без права на промах. Но поймѣт ли она? Не дѣрнется в самый ответственный момент?

Впервые в жизни Митя пожалел, что у чародея на руках браслеты, а не кандалы. Последние имеют только одно кольцо из пары с даоритом, а цепочка, чтобы затруднить побег на всякий случай. В них и кольцуют только осуждѣнных, а вот первые это другое дело. В каждом металл. И значит, два выстрела. По касательной. Хватит трещины и сила вновь станет подвластна магу.

Князь намеренно долго стаскивал с шеи цепочку, глазами неотрывно следя не за наёмником, а за руками Алисы, словно намекая, чтобы не шевелилась.

– Быстрее, а то мозги вышибу твоей подстилке! – рявкнул мужик, и девчонка вздрогнула всем телом от этого окрика. В попытке лишиться чувств она прижала ладони к бёдрам убийцы.

Умная девочка.

Имперский крест взмыл к потолку. Золотая цепь гибкой змеей рассекла воздух.

Митя заострил свой взгляд на наёмнике, что аж рот раззявил, глядя, как в него летит такая желанная добыча. Он даже отвлёкся от девушки.

И князь выстрелил. С одной руки. Поочерёдно.

Глава 15

Волна неконтролируемого воздуха вывернула руку наёмника с револьвером. Почти в обратную сторону. С хрустом костей. И в потолок взлетело несколько пуль. Грохот от выстрелов, и слишком запоздалый окрик:

– Ложись!

Дмитрий не успел.

Оконное стекло брызнуло осколками. В комнату, разрастаясь, влетел ствол дуба с кучерявыми побегами. Он расширялся, увеличивался, дробя каждый сук новыми ветками. Они как голодная стая бросились в погоню, сшибая Митю с ног, окрутили наёмника, что матерился и всё равно пытался стрелять. Свили кокон вокруг мужского тела, затягивая и сдавливая.

Комната наполнилась ароматом свежего дерева, весенней листвы и земли. Потoki воздуха бились в обтянутые бархатом стены, дёргали над полом убийц и путались в растрёпанных волосах Алисы, что осела на пол и баюкала руки. Глаз не видно, но князь был почему-то уверен, что в них слёзы. По её запястьям струились тонкие ручейки крови.

– Алиса, вы в порядке? – Она непонимающе уставилась на него, и только тут Митенька сообразил, что спрашивал на прорском, а не иртанийском. Пришлось повториться.

– А вы ещё удивляетесь, откуда у меня шрамы... – как-то обречено намекнула девчонка. А потом отвернувшись, зашептала.

Её сила была странной. И вообще, она без браслетов как-то резко изменилась. Стала более раскрепощённой. И Дмитрий хотел надеяться, что не ошибся в своём выборе.

– Нам надо убираться из этого места, – уведомил он, подпрыгивая и снимая с одного из сучьев императорскую регалию. Алиса без лишних вопросов оторвала от подушки кусок наволочки и быстро перевязала руки, накинула плащ и подошла к окну. Обернулась. Что-то в её взгляде изменилось. Интуитивно Лиховской подозревал, что не стоит встречаться с этими глазами цвета летней зелени. Как там про ведьм говорят? Заколдуют, зачаруют.

– Допрашивать не будете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.